

Екатерина Янова

Жена для двоих

«Литнет»

Янова Е.

Жена для двоих / Е. Янова — «Литнет»,

Передо мной двое мужчин. Справа - мой муж, слева его точная копия. - То есть все это время вас было двое? - пораженно смеюсь я. - Да, - рявкает копия моего мужа. А я продолжаю давиться смехом, но внутри все рушится. Многие кусочки пазла становятся на место. Ведь я и раньше ловила себя на мысли, что после свадьбы моего мужа как будто подменили. - Осталось только понять, за кого из вас я вышла замуж, - перевожу взгляд с одного на другого, - и кто отец моего ребёнка? - небрежно вылетает самый пугающий меня вопрос. От него зависит слишком многое. Потому что сейчас я не могу понять, с кем же провела ту сказочную ночь, которая подарила мне сына...

Содержание

Пролог.	5
Глава 1. Недоразумение в кедах.	6
Глава 2. Взрослая.	12
Глава 3. Кто ты, девочка?	16
Глава 4. Незнакомое чувство	22
Глава 5. Встреча	25
Глава 6. Американские горки.	30
Глава 7. Атомная боеголовка.	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Жена для двоих

Автор: Екатерина Янова

Пролог.

Моя жизнь превратилась в театр абсурда. Давно уже, но сейчас, как мне кажется, настал апогей!

Смотрю пораженно на моего мужа, сидящего в кресле напротив. Все та же циничная улыбка, небрежная поза, жестокий взгляд. А потом перевожу глаза на... его точную копию. В соседнем кресле сидит мужчина, как две капли воды похожий на Александра. В первую секунду приходит мысль, что это большая галлюцинация, возникшая на фоне эмоционального истощения. Но потом начинаю приглядываться внимательнее: разница есть. Хоть и неочевидная. Она во взгляде, в позе, в энергетике. Копия моего мужа источает ярость, но вместе с тем его взгляд горит. Такого огня я не видела очень давно. Наверное, только в начале наших отношений, когда мы только познакомились с Сашей, когда нам обоим снесло голову, когда мы горели от разрывающих душу эмоций, и мне казалось, что меня любят несмотря на все препятствия и неудобные обстоятельства.

Рассматриваю мужчину внимательнее. Поза агрессивная, решительная, и нет того льда в глазах, который сочился от моего мужа все пять лет нашего брака. И все же понять я ничего не могу. Решить уравнение в моей голове не выходит. Но уже простреливают догадки. Изнутри меня начинает разбирать нервный смех. Он как искрящиеся пузырьки воздуха прорывается наружу громкими звуками. Меня вдруг охватывает какое-то нездоровое веселье.

– То есть все это время вас было двое? – смеюсь я.

– Почти, – рывкает копия моего мужа. А я продолжаю давиться смехом, но внутри все рушится. Потому что я уже начинаю понимать, почему сейчас я узнала тот самый жаркий взгляд. И многие кусочки пазла становятся на место. Ведь я и раньше ловила себя на мысли, что после свадьбы моего мужа как будто подменили. Я записала его в разряд последних подлецов, который все рассчитал, принял наш брак за сделку, а как только получил желаемое – сбросил маску. А что если... я вышла замуж совсем за другого человека? От этого становится очень-очень больно, даже больнее, чем раньше...

Но я продолжаю давиться смехом.

– Осталось только понять, за кого из вас я вышла замуж, – перевожу взгляд с одного на другого, – и кто отец моего ребёнка? – небрежно вылетает самый пугающий меня вопрос. От него зависит слишком многое. Потому что сейчас я не могу понять, с кем же провела ту сказочную ночь, которая подарила мне сына...

Глава 1. Недоразумение в кедах.

Вхожу в накуренное помещение, вокруг стойкий запах алкоголя, сигарет и кайфа! Басы долбят по перепонкам, девочки крутят аппетитными задницами в огнях неона, а я голодный и злой! Сейчас бы выдрал какую-нибудь красотку, а лучше сразу две! Хм, как будто улавливая мои флюиды, ко мне поворачивается смазливая блондинка, манит пальцем. Вау! Супер! Моя ж ты хорошая-плохая девочка! Как же я соскучился по родине! По моим отвязным соотечественницам! Да, детка, иди ко мне! Я угощаю!

Ловлю красотку за талию, она извивается в моих руках, заводя еще сильнее. Не старайся так, куколка, я уже на все готов!

– Я Света! – шепчет мне в ухо томно.

– М-м-м, Света! – смакую ее имя, хотя мне откровенно пофиг. – Пойдешь со мной? Обещаю выпивку и десерт у меня в номере!

– О, какой резкий мальчик! Так не терпится?

– Капец просто! Дым уже из штанов валит! Пошли! Можешь, кстати, подружку прихватить, а то одна не вытянешь до утра!

– Пугаешь?

– Предупреждаю. Я очень голодный!

– Обожаю голодных мужиков! И Лилька тоже. Жди!

Утро наступает как-то очень неожиданно, вламываясь в мое сознание ярким светом. Что за хрень? Еще и на рожу что-то капает. Открываю глаза, фокусируя взгляд на том, кто посмел меня разбудить таким варварским способом. А, понятно. Только ему такое можно спустить с рук. Братан! Моя копия! Только более ухоженная, лощеная, борзая.

– Шурик! Ты откуда нарисовался?

– Пришел приветствовать дорогого брательника! Вижу, ты пирушку устроил, а меня даже не позвал!

– А я не люблю делиться! – поднимаюсь, оглядывая сонных телок вокруг. Толкаю в бок ту, которая вроде бы Светка.

– Так, подъем, красавицы! Банкет окончен, все на выход!

– Какой выход? Мы недавно заснули! Ты же, блин, оторванный на голову, замучил нас за ночь!

– А я предупреждал! Хромает у вас, девочки, физподготовка! Надо не только сиськи накачивать, но и мышцы! Вперед! – хлопаю одну по заднице, она не стесняясь встает, ползет в душ, вторая все же проявляет каплю стеснения, заворачивается в простыню и спешит за ней. Сашка провожает их сальным взглядом.

– Хм, и когда ты только успел их склеить? Ты ж вчера только вернулся?

– Вчера и успел. Девочки ж, родные, сразу почувствовали мою тоску по родине!

– Ага, распахнули объятия и ноги заодно! – гогочет Сашка.

– А ты завидуешь?

– Да ни за что! Хотя я бы потер им спинки!

– Беги!

– Некогда. Дело есть, срочное!

– А я причем?

– Очень даже причем. Ты же брата выручишь?

– Иди на хрен!

– Не, не пойду, там ничего хорошего нет, а я привык к сладкой жизни!

– Говори быстро, что хотел, пока я решаю, захватить тебе по роже за все твои прошлые косяки или просто отказаться!

– Ну, зачем же сразу отказаться! Дело я тебе предлагаю выгодное и интересное! Ты ведь все равно еще не решил, чем дальше займешься! Или ты опять собрался по горячим точкам гарцевать?

– Нет, хватит с меня горячих точек! Спокойно пожить хочу! Вон, девочек вокруг столько недолюбленных.

– Тут ты прав! Девочек в беде бросать нельзя! Тогда мое предложение тебе должно особенно прийтись по вкусу.

– Говори!

– Короче, тут такое дело! Ты же знаешь, на кого я работаю?

– Слышал краем уха. Фамилия Истомина слишком известна в нашем городе.

– Во-о-от! Я его жену охраняю.

– М-м-м. Охраняешь ее и ее в постели? Зная тебя, к охране ты подходишь очень серьезно!

– Правильно понимаешь! Нужно же защищать не только фасад, но и тыл! А там такой "тыл", что закачаешься! Зачетная жена у Истомина! Старый хрыч ее уже давно не удовлетворяет! А для безопасности женского здоровья, ты же понимаешь, как важно быть в тонусе!

– Ну да, а ты этот тонус отлично поддерживаешь, так? Чисто из соображений безопасности охраняемого объекта!

– Конечно! Я очень дорожу своим местом.

– Ладно, не будем уточнять, каким местом ты дорожишь, ближе к делу. Что ты хочешь от меня?

– К сожалению, старый хрыч начал что-то подозревать. А у нас с Агатой уже билеты куплены. Мальдивы ждут нас, манят голубой водичкой, а тут Истомина все обламывает, заявляя, что охрана на отдыхе Агате не нужна, а меня он загрузит другой работой!

– Ага, я похоже уловил ход твоих мыслей! Ты предлагаешь вспомнить школьные годы, и отправить меня вместо себя сдавать экзамен на профпригодность перед старым хрычом, пока ты будешь греть бока на лазурных берегах и кувыркаться с его женой?

– Звучит пошлово, но суть ты уловил верно!

– Нет!

– Что нет?

– Я тебя уже послал на хрен. За последние пять минут тебе не удалось изменить вектор своего движения!

– Но ты же еще не узнал, что я предлагаю взамен!

– Бабки мне не нужны!

– Считаешь себя богачом? Я предлагаю сумму, равную твоему гонорару за последнюю командировку в Сирию!

– Хм. А откуда ты знаешь эту сумму?

– Я много чего знаю! Так что? Две недели покатаешь дочку Истомина, без риска, свиста пуль, геморроя, и получишь красивую сумму с пятью нулями на свой счет!

– Заманчиво! Только я не пойму, за чей счет банкет?

– Агаточка очень хочет меня в качестве спутника. Она готова платить. Щедрая крошка! А уж как она за эти бабки перед Истоминим отчитываться будет, мне неинтересно! Скажет, что сделала какую-нибудь новомодную процедуру у косметолога, сделает ему приятно в постели, и тот все забудет тут же. Сто процентов!

– И? Когда вылет?

– Завтра вечером.

– Охраняемый объект – дочка Истомина? Сколько лет?

– Двадцать или около того.

- Нет!
- Что нет?
- Не собираюсь я сопли подтирать капризной девке даже за такие бабки! Я устал, хочу гулять, кутить, баб трахать, а не твой геморрой разгребать.
- Подумай до завтра!
- Я уже подумал. Вали, дай поспать!
- Леха! Ну, пожалуйста! Я очень на тебя рассчитывал!
- Даже не сомневаюсь! Ничего не меняется в этой жизни! Да, брат?
- Хорошо, я объясню, почему это для меня так важно! Это не просто отдых с телкой на лазурных берегах, понимаешь?
- Нет! Не понимаю.
- Брат! Есть тема одна перспективная, я должен перетереть ее с одним крутым кентом там, за бугром. Если все получится, мы с тобой оба в шоколаде будем.
- Тем более нет! Криминал мне неинтересен.
- Это легальная тема. Помнишь, мы с тобой хотели тачки гонять из-за бугра. Но на одной-двух до хрена не поднимешь. Я хочу замутить тему крупную, через официального представителя. Поможешь, возьму тебя в долю.
- Звучит как конкретное кидалово!
- Звучит как огромная просьба о помощи. Пожалуйста, брат. Мне это правда важно! Задолбался я уже быть на побегушках. Да и тебе сколько можно под пули лезть? – и смотрит так преданно, если бы не знал братца, обязательно бы купился. Только есть еще одна проблемка. Перед последней командировкой повздорил я с одним нехорошим человеком. Очень надеялся, что он забыл о моем существовании, но вчера убедился, что напрасно. Передали мне от него привет. И хоть прятаться не в моих правилах, но лезть на рожон против армии желания нет. А если принять предложение Сашки, то будет у меня время немного осмотреться, оценить силы, и принять решение, что делать дальше.
- Так ты согласен?
- Нет, но я готов подумать.
- До вечера, – смотрит на меня с надеждой брат.
- Хорошо, до вечера. А сейчас дай мне наконец поспать.
- Хорошо, спи! На отдохнувшую светлую голову ты точно должен согласиться.
- Скорее наоборот. Но сейчас – до вечера! Исчезни!
- Слушаю и повинуюсь, большой брат!

Вот так я попал в очередную идиотскую ситуацию по вине своего братца. Конечно, я согласился на его предложение. Принять решение мне помог еще один привет из прошлого, еще более серьезный и борзый. Не простил мне тот самый опасный человек интрижки с его похотливой женой. А я не люблю, когда меня трогают. Знатно мы размялись вчера с его тремя амбалами, которые поджидали меня возле клуба. Здоровые быки, но по сути непуганые идиоты. В больничке теперь наверняка загорают. А мне обещали, что в следующий раз в ход пойдет огнестрельное, раз уж по другому до меня не доходит. И можно было бы бодаться с уродом дальше на понятном ему языке, но нет желания ввязываться в эту никому ненужную войну. Тем более что есть совершенно мирный выход. Мне настоятельно рекомендовали исчезнуть из города, ну что ж, я решил "прислушаться" и принять предложение брата. Это показалось мне вполне разумной идеей. Ровно до той минуты, пока я не увидел ЭТО!

Что там говорил Сашка? Девчонке около двадцати? Когда в зале прилета ко мне подошло чудо в рваных джинсах, с непонятными ушами из волос на голове, я подумал, что кто-то потерял капризного ребенка, но оказалось, что эта трагедия по мою душу.

Сам Истомин не смог встретить дочь, решил переложить это на меня. И вот я как дурак стою с табличкой, где изображено "Есения Истомина", высматривая какую-нибудь гламурную сучку. И никак не могу сопоставить образ подошедшей несуразицы и дочки босса. Но судя по тому, как она небрежно вручает мне чемодан, передо мной и есть будущий объект охраны.

– Где отец? – интересуется барышня, не удосужившись даже поздороваться.

– И вам добрый день! – скалюсь я. – Данил Сергеевич задержался. Будет ждать вас дома.

– Понятно, – розовые губы надувают пузырь жвачки, хочется лупануть по мордахе, чтобы липкая субстанция заткнула дерзкий рот, но я только мило улыбаюсь. – Поехали! – звучит небрежная команда, и мне не остается ничего, кроме как пуститься следом за недоразумением в кедах!

Мы в машине, девчонка болтает с кем-то по телефону. Лопочет на английском. Язык я знаю, но не хочу напрягаться и слушать бестолковый треп. Отключаюсь мыслями и давлю на газ. Тачка зачетная, и по фиг на назойливых пассажиров!

Отвлекает меня похлопывание по плечу:

– Эй, за баранкой! Ты глухой?

– Слушаю, – включаюсь в реал.

– Ты ниче не попутал? Это ж не гоночный болид! Убить меня хочешь?

– Ну что вы, Есения Даниловна! Я здесь, напротив, чтобы обеспечивать вашу безопасность! – отвечаю и сам офигеваю от своей вежливости. Даже не знал, что так умею.

– Вот и обеспечивай! – раздается возмущенный голос. – Скорость сбавь и на дорогу смотри внимательно!

– Александр! – рявкаю я, чтобы осадить девчонку и одновременно напомнить свое имя.

– По фигу! Главное, чтобы место знал и команды понимал! Шурик!

Мля-я-я-я. Бесит! Ненавижу! Зачем согласился? По инерции давлю сильнее на газ, девчонка вжимается в сиденье.

– Ты тупой? – верещит она.

– Возможно! Настройки мои несовершенны. Понимаю только уважительное обращение. Иначе зверею и выхожу из строя.

Газ в пол, несемся дальше. Впереди несколько машин, приходится резко обогнать их, прежде чем мы снова выходим на прямую дорогу.

– Хорошо, Александр, прошу сбавить скорость, – пищит девчонка.

– Вот, теперь посыл понятен! Неплохо было бы еще добавить "пожалуйста", но сойдет и так, – торможу не слишком аккуратно, но дальше двигаюсь как приличный мальчик.

– Я передам отцу, что ты меня чуть не убил!

Началось!

– Обязательно передайте, Есения Даниловна! Это ваше право!

– Вижу, работой ты не дорожишь?

– Почему же. Очень дорожу! Но своим достоинством больше!

– А что, такое огромное достоинство? – хихикает она.

– Я про человеческое достоинство, – бросаю на нее снисходительный взгляд.

– Ага. И я про него! Но ты должен уяснить, что ты – водила! Вот и веди качественно и молча! Знай свое место! Понял?

Молчу. Потому что если сейчас открою рот... Девочка вспомнит весь исконно русский матерный, если вдруг забыла. Хотя, после такой неслабой перепалки, достоинство, то, которое мужское, хочет вырваться наружу и заткнуть этот наглый рот совсем неприличным способом. Чтобы звуки вылетали громкие, но совсем не такие. Представил картинку, и в штанах стало еще теснее. Эх, подкинул мне братец задачку.

– Я ответа не слышу, – нарывается девочка дальше.

- А я веду и молчу. Разве у капризной принцессы запрос был другой?
- Еще четко отвечать на мои вопросы! Понятно?
- Да, ваше борзое высочество!
- Обращаться ко мне по имени!
- А это разве не оно?
- Нет.
- И на чем сойдемся? Я согласен обращаться к вам по имени, если получу такое же обращение в ответ. На водилу буду отзываться соответствующе.
- Ты еще в суд по правам человека обратишь, – фыркает она.
- Можно попробовать, но хлопотно. Хотелось бы обойтись малой кровью.
- Хорошо, Александр, – ехидничает девчонка. – Веди аккуратно и, может быть, я не расскажу отцу о твоих косяках.
- Приятно это слышать, Есения Даниловна. Похоже, есть небольшой шанс, что мы сработаемся.

Ага, сработаемся, как же! Бесит меня девчонка и дальше. Не так сильно, но все же. Привезя принцессу в дом ее отца и выгрузив чемодан, спешу скрыться из вида, пока мне не прилетело новое задание. Успеваю заметить, как девчонка начинает верещать от радости и бросается на шею отцу. Милая картинка, Надеюсь, папочка сможет повлиять на манеры своей принцессы. А может она только с обслуживающим персоналом такая борзая? Одна из тех, кто уверен, что все вокруг – пыль под ее ногами. Бесит! Хочется достать ствол и выпустить всю обойму хотя бы в воздух. Лучше уж на войну. Там хоть и нервно, но я чувствую себя на своем месте. Нужным, полезным. И команды выполняю только старшего по званию, а уж никак не сопливых зажавшихся малолеток.

Две недели, нужно выдержать всего две недели.

Повторяю это как мантру. Не помогает. Все же решаю сбросить накопившуюся агрессию. Ухожу в комнату охраны, в углу там есть боксерская груша. Мне она сейчас просто необходима.

Выпустив пар, принимаю душ в домике для персонала, одеваюсь, выхожу во двор. Прогуливаюсь вокруг. Охрана участка в мои обязанности не входит, но мне скучно, не могу сидеть на месте. Отпустил бы уже хозяин, но нет, молчит. А Сашка сказал, что без его разрешения уходить нельзя. Как же это бесит.

Прохожу мимо открытого окна и слышу доносящиеся крики. Та-а-ак, вижу, миром в доме Истоминых и не пахнет. Похоже, девчонка успела уже и отца выбесить. Мужик он с виду спокойный и рассудительный, но сейчас орет так, что окна звенят. Да и девчонка не отстает, разбавляя этот грозный бас своим высоким фальцетом. О, бушует она похоже по поводу каких-то вещей, фотографий, которых нет теперь на своих местах. Да, хороший повод для скандала, ничего не скажешь. А вот и посуда пошла биться, а потом быстрые шаги, и девчонка убегает наверх. Как же весело, слов нет. Не мудрено, что хозяин забыл обо мне. Он, видимо, вообще обо всем забыл. Сидит, скорбно подпирая голову, крутя в руках бокал крепкого алкоголя. Да, я бы с такой дочуркой спился уже, ей богу. Ну что ж. Пойду, прилягу в пристройке для прислуги. Чувствую, прямо сейчас надо слинять с глаз долой, а дальше видно будет.

Уже заходя в домик, успеваю краем глаза заметить, как хозяйская машина выезжает со двора. Ага, выперла папашу из дома, а я теперь застрял здесь до утра.

Ну, в целом страшного в этом ничего нет, диван здесь удобный, еды полный холодильник, а в гламурной Сашкиной квартире только коллекция дорого алкоголя и шелковые простыни, которые я терпеть не могу.

Перед сном выхожу покурить. Вовремя. Потому что мое внимание привлекает стук каблучков по плитке, где-то около ворот. Иду туда. Охренеть, дорогая редакция! Девчонка! В каком-то блестящем очень-очень мини. Запрыгивает в ожидающее около двора такси и уплывает в туман. А я еще минуту стою и туплю, потому что у меня снова разрыв шаблона. Хотел гламурную сучку – получите – распишитесь. Оказывается, чудо в кедах легко перевоплощается и в этот образ, и чувствую я, что понравится он мне еще меньше. Что делать? Можно, конечно, сделать вид, что я ничего не видел, ничего не знаю, но если девчонка вляпается в конкретные неприятности, то будет тошно всем, и мне, как ее охраннику – в первую очередь.

Нет, уснуть по любому не получится, значит, надо найти дуреху. Как? Хороший вопрос. И еще один, стоит ли позвонить ее отцу? Да, думаю, стоит. Дальше пусть сам решает.

Набираю номер Истомина – не берет. Пробую еще несколько раз, та же картина. Печально. Телефон недопринцессы у меня тоже есть, но ей звонить смысла не вижу, если и ответит, не скажет куда поехала, это точно.

Пока ищу выход из сложившейся ситуации, нахожу девчонку в социальных сетях. Ага, Инста активно ведется. Ух-ты, какая честь! Даже я попал в кадр на фотке к последнему посту. Аэропорт, чемодан и я с дебильной табличкой, ожидающий эту заразу. Подпись очень говорящая: «Возвращение на родину – кайф. Спасибо папа, что прислал своего холопа)))»

Вот тварь! Холоп я, да? Ну, в целом, так и есть. Чего ты ерепенишься. Сам взвалил на себя эту заботу, теперь поздно в кусты. Хотя... блин, очень хочется! Послать к чертям весь этот цирк и укатить подальше. Пусть Сашка сам разгребает. Он меня столько раз подставлял, вечно влипает в какие-то сомнительные схемы, а я его вытаскиваю. Вот почему так? Я старше всего на несколько минут, а по ощущениям – на жизнь. И мать перед смертью именно меня просила присмотреть за братом, в обиду его не давать, потому что вся ответственность всегда лежала на мне. Так уж случилось, что в детстве Сашка сильно заболел, еле выходили его, и уже с тех пор ему доставалось все внимание, а мне – ответственность за брата. Это вшито уже внутри меня, наверное, поэтому я не бросаю эту дебильную ситуацию, а думаю, как все разрулить.

Пролистываю ленту постов нашего ходячего недоразумения, ох и разная здесь девчонка. И прилежная студенточка в гольфиках, и роковая красotka в клубе, а вот... хм... черт... снова в моих штанах тесно от парочки фоток в купальнике... Теперь очевидно, что под бесформенными джинсами скрывалось очень даже соблазнительное молодое тело... которое мы не стесняемся показывать всем желающим...

Вместе с возбуждением растет и беспокойство за девчонку. У нас не Англия, она может забыла? Куда ее понесло в этом блестящем безобразии еле прикрывающем зад?

О, добавлено новое сторис. Посмотрим. Черт. Веселая компания, однако! Золотая молодежь! Фу! И место мне незнакомое. Зато отмечены парочка друзей. Перехожу на их странички, и у одной из размалеванных куриц нахожу геометку этого заведения. Ну что ж, прокатимся! Потусуемся вместе с оторванными деточками богачей!

Глава 2. Взрослая.

Вот никогда не любил огни неона и эту долбящую по перепонкам музыку. Почему так? Кто-то кайфует по жизни, а кто-то разгребает стабильные последствия этого кайфа. Раньше из вот таких искрящихся мест я брата доставал, теперь вот другое несчастье на мою голову прилетело.

К слову сказать, на Сашку я со временем плюнул, потому что если человек сам не понимает, что в этой жизни хорошо, а что плохо, на чужих примерах ему не объяснить. Настал момент, когда меня конкретно достало. Было это как раз перед армией, в которую я пошел почти с радостью. Потом по контракту остался. Саня по состоянию здоровья не проходил на службу, а я косить не стал. Думал, совсем он без меня загнется, но нет. Видимо, когда понял, что нянькаться с ним больше некому, решил за ум взяться, на работу устроился, перестал бухать и баловаться запрещенными веществами. Вовремя остановился, чему я безусловно рад, хотя идеализировать его бесполезно. Может в любой момент снова скатиться по наклонной.

Торможу недалеко от входа в молодежный пафосный клуб. Фейс-контроль мне помогает пройти пара купюр. Устраиваюсь за барной стойкой и начинаю наблюдать. Типичный гадюшник, но с более дорогой обстановкой, чем те, к которым я привык. В остальном правила те же: алкоголь рекой, дым сигарет и кальянов, а проворные официанты наверняка предлагают не только меню, но и расслабиться в частных комнатах, а если надо подогреть уровень кайфа, то со стимулирующими запретными средствами здесь тоже проблем не возникнет.

На втором этаже вип-зона, там на подвесном балконе свой танцпол, и теперь я узнаю знакомое платье.

Сглатываю, поправляю вмиг ставшие тесными штаны. Черт! Горячая сучка! Танцуем на грани фола, умело, заводяще, соблазнительно. Похоже, вокруг она никого не замечает, не видит, не знает, самозабвенно выписывая задницей восьмерки, периодически опираясь на хромированные перила балкона, чтобы крутануть какой-нибудь особенно эффектный пируэт. В какой-то момент мы встречаемся взглядами. Ответом мне служит дерзкая улыбка, и еще более откровенные финты гибкой фигуры. Эхх, всыпать бы по этой самой заднице, так это с отяжкой, чтобы остались красные следы на молочной коже... Чтобы эта дерзкая улыбка трансформировалась в удивленное "О", а потом пройтись по ярким губам языком, впиться в верхнюю губку зубами так, чтобы поняла: нельзя злить взрослых дядей. Нельзя провоцировать их и заводить, потому что за это неизбежно следует расплата...

Да, не туда свернули мои мысли. Так возбуждение в штанах растет, а ситуация только накаляется. Какое-то мутное тело уже трется рядом с девчонкой. И если сейчас они исчезнут из поля зрения, то искать мне их придется уже где-нибудь в частных комнатах. И что самое поганое, я не знаю, стоит ли это делать. Быть может это образ жизни богатой принцесски, и папочка смотрит на это сквозь пальцы? А я сейчас ввяжусь в войну, чтобы спасти честь девочки, хотя чести там уже нет давно и спасать просто нечего?

Пробую еще раз набрать Истомина, картина та же, трубку никто не берет. Что ж, придется разруливать самому.

Поднимаюсь в вип-зону, протискиваюсь на танцпол. Танцы – это у нас к Сашке, он в таких клубах – как рыба в воде, я же с большим удовольствием просто рубанул бы половину народа здесь, особенно тех, которых сразу и не поймешь, к какому полу отнести. Гендерная интрига, блин.

Пробираюсь к девчонке, оттесняю подвыпившее, прилипшее к ней тело, оттаскиваю принцессу в сторонку.

– Эта вылазка санкционирована вашим батюшкой? – интересуюсь сквозь зубы.

– Отвали от меня! Убери руки! – шипит она как кошка.

– Я так понимаю, нет? Тогда вперед – на выход.

– Пошел на хер! Я гуляю! Имею право! Восемнадцать мне давно есть!

– Это издалека заметно, поверь мне.

– Руки убери! И вали отсюда.

– Хорошо. Только привет папе твоему передам, и без проблем! – смотрит на меня Есения зло, пока я делаю вид, что звоню ее отцу. Так же делаю вид, что мне ответили и отдали распоряжение доставить девчонку в безопасное место. – Распоряжение отца получено. На выход! – команду я.

– Вали! Это ж ты папочкины приказы выполняешь, как верный и преданный пес! Меня они не касаются!

– Еще как касаются! – пытаюсь схватить за руку вредную сучку, но она умудряется выкрутиться из моих пальцев и двинуть прямо к барной стойке. А там, не успеваю я опомниться, как эта дрянь заскакивает прямо на полированную барную стойку, попутно выхватив стакан вискаря у мужика, сидящего рядом, и теперь она уже на этой импровизированной сцене выдает свои выкрутасы. Капец. Мужики тут же подтягиваются ближе, не стесняясь заглядывать под юбку нашей красотке, она улыбается им, поощряя всю эту вакханалию. Я достаю телефон и начинаю снимать концерт. Чувствую, добром он не закончится, а так, мне будет хотя бы что предъявить батюшке в доказательство прекрасного поведения его дочурки.

Когда мужики начинают откровенно наглеть, девчонка, похоже, понимает, что переборщила, пытается хлопнуть по мужской руке, пытающейся залезть ей под юбку, но мужиков это только заводит. Девчонку стаскивают вниз, она пытается вырваться из захвата настойчивых подвыпивших ухажеров, вижу, начинает паниковать, ищет меня взглядом. Пытается сбросить с себя обнаглевшие руки и увернуться от поцелуев, отталкивает одного, он же перехватывает ее за волосы. Вот ты и нарвалась, девочка. Но я не подойду, пока ты сама не попросишь! Принципиально! Встречаюсь с поплывшим перепуганным взглядом Есени, ехидно усмехаюсь и складываю руки на груди, показывая, что не собираюсь вмешиваться.

– Александр! – зовет она. О, даже имя мое вспомнила. Неожиданно. Лениво смеряю ее взглядом, она все еще безрезультатно пытается увернуться от мужика, который крепко держит ее за талию и целует в шею.

– Отпусти, – кричит она ему, но тот даже не реагирует. – Убери его! – подает команду мне.

– И не подумаю. Ты же уже совершеннолетняя! Сама принимаешь решения, сама за них отвечаешь!

– Пожалуйста, – пищит она, окончательно впадая в истерику, слезы уже во всю текут из накрашенных глаз.

– Ну, если только пожалуйста! – подхожу к парочке, грубо отрываю от нее пьяного мужика. – Отпусти девчонку!

– Чего? Пошел ты! Вали отсюда. Девочка сама просила!

– Она передумала.

– А я нет! У меня уже встал! пусть теперь отрабатывает.

– Не скули! Тут куча хороших девочек, которые с удовольствием тебе помогут, – из последних сил пытаюсь я миром решить проблему.

– Нет! Эту хочу! Не видел здесь раньше, а местные мне уже надоели! Вали, если жить хочешь!

– Что ж вы все несговорчивые такие, а? – выхватываю у него из рук девчонку, отталкиваю за спину. Мужик замахивается на меня, но я оказываюсь быстрее. Бью его в челюсть, он отлетает к барной стойке, я догоняю его еще одним ударом об столешницу, и пока его кенты только подтягиваются, хватаю Есению за руку и быстро гребу на выход через это беспокойное море дергающихся на танцполе тел.

За дверью гостиничного номера тишина, просачиваюсь внутрь, стараясь не шуметь. Принцесса спит. Очень хочу посмотреть на ее пробуждение. Может быть мне даже станет ее немного жаль, потому что по себе знаю, утро после таких возлияний – самое страшное наказание.

Мы в гостиничном номере, ведь вчера принцесса категорически отказалась ехать домой. А я не стал настаивать, потому что мне важно, чтобы факт ее загула вскрылся сразу. Если бы девчонка вернулась домой, то вполне могла попытаться скрыть от отца такие выкрутасы. А они мне в дальнейшем на хрен не упали!

Ну что ж, легкие движения под одеялом уже пошли. Ее борзое высочество точно проснулась. Надо помочь. Встаю и резким движением раздвигаю шторы. Комнату заливают солнечный свет. Тут же раздается жалобно-возмущенный стон.

– Зачем! Верни обратно?

– Что вернуть?

– Тишину и темноту.

– А-а-а, я-то думал девичью честь и достоинство! Но они видимо потеряны давно и безвозвратно!

– Заткнись, а? Я нотаций от отца наслушаюсь.

– Да похоже они ни хрена не помогают, – поднимаю перед лицом принцессы бутылку минералки, демонстративно открываю, делаю несколько освежающих глотков. Девчонка тяжело сглатывает.

– Дай попить!

– Волшебное слово снова забыла?

– Дай попить, пожалуйста!

– Александр.

– Дай попить, пожалуйста, Александр! – с психом повторяет она.

– Вот. Так-то лучше. Глядишь, скоро и запомнишь! – Есения жадно пьет, потом откидывается на подушки. Я протягиваю ей две таблетки. – Выпей, полегчает!

– Спасибо!

– Еще, советую душ. Чтобы окончательно прийти в себя!

– О, точно знаешь, что делать в таких ситуациях? Богатый опыт? – продолжает ехидничать девчонка.

– Достаточный!

– А у меня богатый папа! – выдает она, явно стараясь меня добесить. Ох, как хочется лупануть ее по пухлым губам! Но таких полномочий у меня нет. А девочка продолжает нарываться. – Так что завянь. Я хочу еще поспать!

– О да. Папа и правда богатый! Есть чем гордиться! Кстати, он скоро будет здесь!

– Что? Зачем?

– А ты как хотела? А еще я для него приготовил занятное кино. Хочешь глянуть? – включаю на запись вчерашнюю трешатину, как Есения отплясывает на барной стойке. – Думаю, папа будет в восторге! – с удовольствием смотрю на растерянное лицо девчонки.

– Дай сюда! – выхватывает телефон, с ужасом пересматривает еще раз. – Это точно я?

– Хм. А что, может это твой клон нацепил на себя блестящую тряпку и позволяет мужикам лапать свой зад? Думаешь, папа в такое поверит?

– Ужас! – закрывает она глаза. – Я реально вчера перебрала. Вот это все плохо помню. Папа этого не должен увидеть!

– Да? А я думаю, ему понравится. Такая пластичная дочь, есть чем гордиться.

– Хватит стебаться! Я хочу у тебя купить это видео!

– Миллион долларов!

– Сколько? Да ты вообще с тормозов слетел?

– Да. Сейчас вот в сеть солью эту красоту, посмотрим, сколько просмотров наберет, может еще больше заработаю!

– Ты меня на понт берешь, да?

– Почему? Такая красота! Может, прославлюсь благодаря твоей не сильно одетой заднице!

– Тысяча баксов!

– Мало!

– Пять! Больше у меня нет!

– А как же богатый папа?

– Я не хочу просить у него!

– А придется!

– Он столько не даст!

– Да и не надо! Давай договоримся так: ты прекращаешь маяться дурью, ловишь нормальный, человеческий тон со мной, а я забываю про запись!

– И даже денег не возьмешь?

– Нет! Прикинь, не все в этой жизни измеряется деньгами! Вот такое открытие! – смотрит на меня Есения как-то очень внимательно, впервые в ней прорывается что-то такое... настоящее, уязвимое, то, что она умело прячет за маской избалованной сучки. И это подкупает... А еще мне болезненно сильно хочется впитаться в этот пухлый нахальный рот, и смять молочную кожу под простыней, и...

Разрывает наш зрительный контакт хлопок двери. А вот и папа...

– Есения! – гремит он. – Ты что устроила!

И пока папа творит разборки своей нерадивой дочурке, я спешу скрыться из номера, чтобы спокойно попить кофе в кафе внизу.

Глава 3. Кто ты, девочка?

Мир в доме Истоминых продержался недолго. После того, как отец вернул Есению домой из гостиницы, он уехал в офис и целый день был на работе. Видимо только поэтому в стенах особняка стояла тишина. К ужину все повторилось опять. Правда, крики стояли громче, обвинения серьезнее. Впервые я заметил слезы у непробиваемой стервы Есении. Даже стало жаль ее, потому что убивалась девчонка о каких-то памятных вещах матери, которые присвоила себе Агата – молодая жена Истомина.

Оказывается, родная мать Есении умерла три года назад. Это я узнал сегодня от домработницы Валентины, которая работает здесь много лет. Она же рассказала, что у жены Истомина случился сердечный приступ, когда та застала мужа с молодой любовницей, как я понял, с той самой Агатой. Обидно Есении за мать, это понятно. Но зачем свою жизнь под откос пускать? Думает, отцу докажет что-то? Сомнительно.

Но сейчас меня беспокоит намного больше то, что девчонка тащит по лестнице свой тяжеленный чемодан и посылает отца в своей неповторимой манере. Истомина, видимо, тоже перекрывает.

– Есения, остановись! – орет в сердцах он. – Куда ты собралась?

– Куда угодно, лишь бы подальше из этого вертепа! Я-то думала, ты хоть немного раскисаешься, а ты просто вычеркнул маму из жизни и из памяти! Приволок сюда свою любовницу, из-за которой мамы больше нет! Где хоть одна мамина фотография? Где ее вещи? Где книги?

– Они на чердаке, в коробках. Мы делали ремонт, убрали их туда!

– Вот именно! На чердаке! Туда ты засунул память о ней! И ремонт. Фасад подремонтировал, да? И все снова стало хорошо?! Так, как ты хотел! Мамы нет, она больше не надоедает, ты ее заменил, как старую сантехнику на более молодую Агаточку! Все у тебя отлично! А меня кто отремонтирует? Кто мне маму вернет? И дом! Разве это мой дом? Я здесь ничего не знаю! И знать не хочу! Где камин, около которого мама читала мне сказки? Где кухонный стол, за которым мы вместе с ней пекли пирог? Где шторы, которые она сама сшила? Нет этого всего, а значит и дома у меня нет! Пусти! В этом музее безвкусицы я не останусь!

– Есения, прекрати! – орет в след Истомин. – Хватит мне душу выворачивать! Да, Лидия умерла, ее уже не вернуть. Но надо ведь жить дальше!

– Вот и живи! – кричит Есения. – У тебя это прекрасно получается! А я буду жить где-нибудь подальше от тебя!

– Где? И на какие шиши? Не забывай, ты живешь на мои деньги!

– А-а-а, решил деньгами меня попинать. Так подавись ими! Без них проживу! Только бы больше не видеть ни тебя, ни Агату твою шлюхастую.

Вылетает девчонка из дома, на пороге еще и у чемодана ломается ручка, он падает, пластиковая крышка отлетает, все вещи рассыпаются на дорожке, укрывая террасу ярким рисунком, как в сломанном калейдоскопе. Есения растерянно оглядывается, пытается поднять несколько тряпок, но потом в сердцах бросает все на землю и быстрым шагом направляется к воротам. Вылетает в ночь. А я несусь следом. Почему? Кто бы объяснил. Зачем? Понятия не имею. Не моя ведь забота, есть же у нее отец, вот он пусть и отвечает. Но по-другому просто не могу.

Хотя знаю почему. Была бы она сегодня вчерашней гламурной куклой, не побежал бы, но сейчас она другая. Больно ей, и я знаю эту боль. Я тоже терял мать. Единственного родного человека. И это было страшно. Страшно больно, страшно пусто, страшно непоправимо.

Не тороплюсь догнать девчонку, но и из вида ее не теряю. Хочу, чтобы успокоилась немного. Но она похоже, расходится еще больше. Рыдает, не обращая внимания ни на что

вокруг. Темно на улице. Район здесь не людный, вокруг в основном такие же богатые особняки, стоящие на участках, огороженных высоченными заборами. Есения останавливается у одного из таких заборов, без сил опускается прямо на газон под большой туей. Слышу рыдания. Подхожу ближе, падаю рядом. Замирает, смотрит удивленно:

– Тебе чего надо? Отец послал? Отвалите от меня все! – выкрикивает и бросается бежать. Вот дуручка! Летит прямо на дорогу, начинает тормозить проезжающие мимо машины. Желаящий подвезти находится быстро. Блестящий мерин останавливается, оттуда доносится музыка, там явно нескучная компания.

– Крошка, давай к нам, – зовет подвыпивший пацан из-за руля. Есения морозится, видимо здравый смысл и чувство самосохранения присутствуют все же.

– Девочка погорячилась, – кричу пацанам. – Езжайте дальше, молодежь. Все нормально!

– Ну как знаешь! Если скучно будет, три дома отсюда дальше по улице, заходи! У нас сегодня крутое пати!

– Хорошо погулять! Давай! – машина срывается с места, скрываясь за поворотом.

– Ну, чего замерла? Если понравилась тебе компания, вперед, три дома дальше по улице и будет тебе крутое пати. Только я за тобой больше не пойду! Хочешь приключений на одно место – получишь. Кто ищет, тот находит. Всегда, по любому. Тут ни папа не поможет, ни охрана. Если мозгов нет – взять их негде!

– А ты мне опять собрался нотации читать?

– Нет, зачем. Наоборот. Помощь тебе хочу предложить, чисто по-человечески. Понимаю я, почему тебя так кроет. Только, если себе жизнь загубишь, отцу ничего не докажешь. А вот Агата, новоиспеченная твоя мачеха, будет очень рада, уверен!

– А отвалить от меня чисто по-человечески ты можешь?

– Могу. Сейчас отвалю. А ты что делать будешь? Тут до утра сидеть? А дальше?

– Придумаю что-нибудь!

– Давай так. Я ж тебе не предлагаю домой возвращаться. Пойдем ко мне. Переночуешь, потом придумаешь что-то. Обещаю тебя не трогать. Чисто по-человечески! – поднимаю вверх руки. Сейчас я очень даже уверен в своих словах. Растрепанная, зареванная, с потекшей косметикой – никакого желания не вызывает. Хотя, если внимательнее посмотреть на ее припухшие от слез губы... Нет, сегодня программа другая. Тем более что девчонка задумалась, притихла, похоже, включила мозг.

– А где ты живешь?

– В центре у меня квартира. Не переживай, места хватит.

– Хорошо. Поехали, – обреченно вздыхает она после нескольких минут раздумий.

Вызываю такси, Есения сидит тихо, обхватив себя руками. Замерзла. Снимаю пиджак, накидываю на хрупкие девичьи плечи. Ловлю ее взгляд. Другой он. Немного удивленный, теплый, открытый. Кто ты девочка? Я тебя не знаю. Придется нам знакомиться заново! И чувствую я, что это знакомство будет судьбоносным!

В квартиру Есения заходит тихо, настороженно. Вообще ее как будто подменили. Где тот фонтан бурной энергии, эмоций, наглый, всех посылающий взгляд? Я по-прежнему ловлю себя на мысли, что эту девочку не знаю совсем, первый раз вижу.

– Проходи, располагайся!

Прошмыгнув в ванную, долго не выходит оттуда. Я за это время успеваю провести ревизию холодильника. В целом, все ожидаемо, еды нет, только алкоголь. Заказываю доставку пиццы, хорошо, хоть кофе находится в одном из шкафчиков.

Есении нет слишком долго, стучусь в дверь, в ответ тишина.

– Есения! Выходи! Хватит прятаться!

– Я не прячусь. Просто хочу побыть одна.

– Не прокатит. Сейчас пиццу привезут. Я есть хочу, да и ты, насколько я понял, осталась без ужина. Перекусим и пойдешь спать. Я тебе кровать отдаю, сам на диване лягу.

Дверь медленно открывается. Девчонка уже без косметики, глаза припухшие, но взгляд уже не такой убитый.

- А пицца с чем? – осторожно спрашивает она.
- Пеперони и вторая с морепродуктами.
- Морепродукты я не люблю.
- Хорошо, забирай пеперони.

Пицца идет на ура. Мы едим ее прямо на полу в гостиной, на плазме играет музыкальный канал, на экране мелькают какие-то размалеванные уроды.

- А ты ничего так! – выдает вдруг Есения. – Превращаешься в человека.
- Да и ты в моих глазах резко сменила образ.
- Тоже превратилась вдруг в человека?
- Ага. Из зажавшейся сучки.
- Ух ты. Да мы эволюционируем на глазах!
- Приятно, да?
- Не очень! Мне комфортнее было оставаться сучкой.
- Не сомневаюсь. Но не переживай. Я тебя не выдам. Если ты будешь со мной его включать пореже.

– Ничего не обещаю.

– А я думал, что ты не зря так долго сидела в ванной. Надумала что? Как дальше жить планируешь?

– Ничего особенно хорошего не надумала. Пока поеду к тетке погощу. Она в соседнем городе живет. Потом решу.

– Тетя – это сестра твоей матери?

– Да.

– Хорошее решение. Домой точно возвращаться не планируешь?

– Нет.

– Даже не знаю, хорошо это или плохо. Боюсь, папочка пригрузит меня в таком случае другой пыльной работой.

– А пыльную ты боишься?

– Смотря какая пыль.

– И как тебя вообще по жизни, устраивает такая работа?

– Нет. Абсолютно. Но это временный вариант.

– Ты давно у отца работаешь? – нехороший вопрос. Врать не люблю, правду не скажешь.

Поэтому отвечаю очень обтекаемо:

– Какое-то время.

– Хм. И что ты делал до того, как я вернулась в Россию?

– Выполнял разные задания твоего отца.

– Не хочешь говорить, да?

– Не особенно.

– Хорошо, тогда я тоже ничего рассказывать не буду. Отвезешь меня завтра к тетке, а дальше снова будешь выполнять задания моего отца. Я его видеть больше не хочу.

– Зря ты так с отцом. Он нормальный мужик, и тебя любит. Просто не знает, как подступить к тебе, а ты все только усложняешь.

– Я его тоже люблю. Но не могу простить за то, что случилось с мамой. Это его вина.

– Уверен, он знает об этом. И живет с этой виной.

– Не похоже, что это доставляет ему какой-то дискомфорт. Иначе не привел бы он свою Агату в дом на правах жены.

– Но ты ведь не знаешь, что он чувствует на самом деле.

– И знать не хочу. Потому что ему на мои чувства плевать, это совершенно точно!

– Не думаю. Не зря же он отправил Агату на отдых, а сам остался здесь, с тобой. Наверняка он хотел наладить с тобой отношения, пока рядом не будет этой женщины.

– Что-то не заметила активных попыток наладить со мной контакт. Одни нотации.

– Он просто не знает, как с тобой говорить, поэтому лажает, а ты ведешь себя, как капризный ребенок!

– И ты туда же? Да, я капризный ребенок. Меня так воспитали.

– Пора взрослеть.

– Тебе все же отец дал задание промыть мне мозги?

– Нет. Я говорю свое мнение. Не хочешь слушать, я помолчу.

– Вот и молчи. А я спать пошла. Спасибо за пиццу и "твое" мнение, которого никто не спрашивал. Спокойной ночи!

Убегает в спальню. Печалька. Нелегко придется Истомину старшему, да и мне тоже.

Кстати, папочка уже звонил, просил разыскать дочурку. Я заверил его, что с девочкой все в порядке, правда, пришлось сорвать, что она в гостинице. Но главное, отец успокоился. Дальше видно будет.

Спится мне как-то беспокойно. В душе никак не могу уложить по полочкам свои разношерстные чувства к девчонке. Неправильные они, эти чувства. С одной стороны безумно хочется ее оборвать, заткнуть, поставить на место, с другой – пожалеть, посочувствовать, согреть. Ага, особенно согреть... Заводит меня девчонка, трудно это не признать. И хочется с ней не спорить, а выбить дурь другим способом. Например, развернуть лицом к стене, прижать немного шею, задрать юбочку и ...

Так, спокойно, это дочка босса, напоминаю я себе. Ты здесь вообще временно, так что засовывай эти мысли подальше и молись, чтобы продержаться до возвращения брата. А дальше пусть он сам разруливает все как хочет.

Утром с трудом разлепляю глаза. На кухне что-то гремит. Бреду туда и застываю на пороге с открытым ртом. Есения стоит у плиты. Что-то варит в маленькой кастрюльке, быстро помешивая ложкой. Но не это поражает меня больше всего. На ней футболка. Сашкина! Едва прикрывает ту самую аппетитную задницу, о которой я мечтал половину ночи. И я смотрю на эту футболку и закипаю, потому что... мне неожиданно ревниво. Бред чистой воды, но это так. Неприятно, что тело Есении покрывает личная вещь моего брата. Не моя. На ней сейчас окажется его запах. И так сводит внутри от какого-то неведомого раньше чувства, что хочется заорать. Как будто он ее трогает, а мне нельзя.

– Привет! Плохо спал? – как ни в чем не бывало подает голос девчонка, явно не понимая причину моего хмурого лица.

– Да, есть немного. А ты что там варишь, страшно спросить?

– Всего лишь овсянку, – улыбается она. – Я же три года жила в Англии, в Лондоне, – кривляется она. – Овсянка, сэр-р-р-р, – рычит, забавно изогнувшись в поклоне, ставя на стол тарелку этого сомнительного варева. Но привлекает меня совсем не это, а то, как натягивается на ее бедрах хлопковая ткань.

– Вижу, ты голоден? – вздергивает она бровь.

– Ужасно, – сглатываю слюну, едва удержавшись, чтобы не наброситься на мелкую провокаторшу. Я бы ее... точно съел. Начал бы с миленького розового ушка, перешел бы на тонкую шейку, а потом бы сладенько покусал эти милые губки, а потом... короче, дальше было бы уже совсем не сладенько, но очень горячо...

- Ты проглотил язык?
- Да, от культурного шока. Не думал, что ты умеешь готовить.
- Внешность обманчива. На самом деле я достаточно хорошо готовлю. Мама научила. Она сама часто готовила, а я ей с удовольствием помогала, – глаза ее становятся грустными.
- Да, у меня мама тоже хорошо готовила, правда, редко. Времени не хватало.
- Готовила, – поднимает глаза Есения. – Ты говоришь в прошедшем времени, значит ее уже нет?
- Нет. Мама умерла восемь лет назад.
- А отец.
- А отца я и не знал никогда.
- Печально.
- Не особенно. Он бросил мать и меня с братом, когда мы были совсем маленькими. И раз так, я не хочу знать его. Не понимаю, как можно бросить своих детей. Так поступить может совсем гнилой человек.
- Да, но ситуации в жизни ведь бывают разные?
- Согласен. Но он мог бы вернуться. Мы не меняли место жительства, никуда не пропали. Значит, ему это было просто не нужно. Поэтому я и говорю тебе, не суди строго отца. Он может и не лучший, но точно тебя любит.
- Возможно, но пока я чувствую на него только злость. Поэтому мне нужно успокоиться, и тогда я смогу с ним общаться. Наверное.
- Как знаешь. Так что? Сегодня поедешь к тетке?
- Ты меня отвезешь?
- Да. Так распорядился твой отец.
- Ты ему звонил?
- Конечно, я ему звонил. Потому что иначе тебя бы уже с собаками искали по всему городу!
- Хорошо, – шумно выдыхает она, – не буду заводиться. Но и забывать, что ты холоп папочки, тоже больше не буду!
- Ага, пошла эволюция в обратную сторону. Я снова из человека превратился в холопа.
- Сам виноват!
- Хорошо, пусть я буду виноват. Собирайся, поехали. Или ты хочешь заявиться к тетушке в таком виде?
- А что? Ты считаешь, что мне не идет твоя футболка?
- Как сказать. Если бы мы переспали, это смотрелось бы символично и гармонично, а так...
- И что «так»? Договаривай!
- Шлюхасто это смотрится!
- Но красиво! Согласись? Я видела, как ты пялился на мои ноги.
- Вообще-то не на ноги!
- Ну да, ну да.
- Да! Кстати имей ввиду, нельзя провоцировать взрослых дяденек. Они могут не сдержаться!
- А может я хочу, чтобы они не сдержались? – провокационно улыбается она. Почему-то меня это злит еще больше.
- Голодная английская сучка вернулась? В твоём Гарварде одни ботаны были, не с кем было позажигать?
- Было с кем, но не было желания. Впрочем, нет его и сейчас! Все, отвали. Пойду, приведу себя в пристойный вид, а ты пока ешь овсянку! Больше тебе от меня ничего не обломится! – тоже психует она. Перегнул я? Кто бы мне ответил...

Убегает в спальню, маленькая злая кошка! Хотел бы я послушать, как ты мурлыкаешь, если тебя приласкать, но пока мне прилетают только острые коготки.

Глава 4. Незнакомое чувство

Дура, дура, дура! Ну какая же я дура! Вот знала, что так будет, но сама же и нарвалась. Сейчас во мне борются два желания: избавиться от этого напыщенного болвана, или сказать ему прямым текстом, что он вызывает во мне нездоровый интерес. Но так палиться конечно же глупо. А избавиться от него вообще дебилизм, потому что больше в этом городе помочь мне некому. Есть конечно знакомые, одноклассники, но с большинством мы давно не общались, а те, с кем я выбралась в клуб в первый день, оказались слишком ненадежными. А этот несносный орангутанг Александр завел меня еще в аэропорту. Станный он, не похож на охранника. Папа и раньше приставлял ко мне охрану, но тогда это были совсем другие персонажи. Невзрачные, молчаливые. "Да, Есения Даниловна", «Нет, Есения Даниловна», «Всегда пожалуйста!» А этот борзый, не дает слабину, даже когда решает промолчать, его молчание очень громкое. Я как будто слышу все, что он обо мне думает. И почему-то это не на шутку заводит, толкает на гадкие, дерзкие поступки. Вот как сегодня утром. Сдалась мне его футболка! Ведь могла надеть вчерашние вещи. Они не свежие конечно, но других все равно не имеется. Так нет же, чертенок внутри меня проснулся, вспомнил горячий взгляд Александра, широкоплечую фигуру, и потребовал подергать тигра за усы.

Подергала, блин. Не стоило надевать эту футболку! Тем более что мне сразу не понравился ее запах. Она хоть и чистая, но едва уловимый аромат парфюма присутствует. Не его это запах. Слишком приторно-сладкий с нотами душистого муската. Почему-то в машине от Саши пахло иначе. Там аромат был терпкий, с низкими нотами цитруса и мяты. Тот запах ему шел, этот же раздражает. И вообще квартира мне не понравилась. Не ассоциируется с Александром. Как-то здесь все гламурно, блестяще, показушно и холодно. Шелковые простыни – это вообще зашквар. Но других я в шкафу не нашла. Такое постельное белье у меня ассоциируется только с борделем. Сразу полезли в голову грязные мысли, скольких девок он на этой самой кровати имел? Фу! Спать на этом шелковом безобразии я не смогла, стащила на пол подушку, вернулась в плед и расположилась на мягком коврик. Как собака. Чувствовала я себя вчера так же. Бездомной, обделенной, несчастной. Долго перед сном мысленно разговаривала с мамой, просила ее помочь мне, указать правильный путь. Но ответа я конечно же не получила.

Утренняя провокация тоже с треском провалилась. Нет, мужской интерес в глазах моего охранника я бесспорно увидела, но после его последних слов поняла, что воспринимает он меня распутной легкодоступной девкой. Такое меня точно не устраивает, но доказывать ему обратное я не собираюсь. Просто вычеркну его из своей жизни! Пусть меня только к тете Жене отвезет! И валит дальше папе задницу лизать! Все! Ненавижу всех!

По дороге мы молчим. В такси молчали, пока ехали к дому отца, чтобы забрать машину, и теперь молчим. Я только адрес назвала, Александр его в навигатор вбил, и теперь тишину салона нарушает только писклявый женский голос озвучки. "Поверните направо", «Поверните налево». Эх, сказал бы мне кто, где повернуть, где притормозить. Только мама могла меня направить, понять, простить. С тех пор, как ее не стало, я как будто потерялась в этом мире. Закрываю глаза. Снова в груди болеть начинает. Опять наваливается это ужасное чувство. Неверия, бессилия, злости на судьбу, отца, его девку. Мама ведь так его любила. И на сердце никогда не жаловалась. А в тот вечер... Я помню ее глаза. Она вернулась заплаканная, потерянная. Я никогда ее такой не видела. Как будто душу уже из нее вынули. Она как робот прошла в спальню и закрылась. А потом я слышала, как она рыдала. Это страшно было. Я не знала, как помочь ей, как спасти. Уже тогда было ощущение – произошло что-то ужасное. Я чувствовала,

что теряю ее, но дверь она так и не открыла, сколько я стучала, звала ее, бесполезно. А утром... ее нашли уже мертвой. Врачи констатировали сердечный приступ, обширный инфаркт.

Страшно это было. Я никак не могла поверить, что мамы больше нет. Я сама как будто умерла. Плохо помню похороны, траур. А потом я умерла второй раз, когда услышала, как шепталась прислуга. Они обсуждали, что приступ у хозяйки случился после того, как она застала мужа с молодой любовницей. И имя ее назвали, Агата. Я помню. Тогда мы первый раз сильно поругались с отцом. Он не отрицал, только губы поджимал и кривился. И тогда я поняла, что больше не смогу оставаться в этом доме. Я как раз школу заканчивала. И решение поехать учиться в Англию мне показалось очень верным. Только уехав из родной страны, легче мне не стало. Одиноко было в Англии и холодно. Дожди, сырость. Все как в душе у меня. Пришлось с головой уйти в учебу.

Любовь к уюту мне привила мама, теперь же дизайн это моя профессия. Но жить я всегда хотела в России. Думала, время прошло, смогу отцу забыть все. Но дома меня ждал сюрприз. Не знала я, что Агата уже не просто любовница. Жена! Жена, черт возьми! Он привел ее в НАШ дом на мамино место! Как можно? Решил стереть все, что напоминало о маме? Это не просто предательство – это нож в спину, который он продолжает прокручивать ежедневно! Даже после смерти он продолжает предавать ее память и меня. Я себя тоже почувствовала ненужной вещью, единственной, которая ему напоминает о маме, только меня нельзя отнести на чердак и забыть. Хотя ему, наверное, хотелось бы. Не могу находиться с ним рядом. Мне нужно немного прийти в себя и забыться. Надеюсь, тетя Женя будет рада.

Живет тетя в соседнем городе в частном доме на окраине. Она последнее звено, которое связывает меня с мамой.

Дождь начинает накрапывать, смотрю в стекло, залитое дождем и тоже начинаю плакать. Беззвучно, но очень горько. На въезде в город прошу Александра остановиться. Он не сразу понимает, зачем мне это нужно. А я не хочу говорить. Я выхожу и медленно бреду по грязной дороге в сторону кладбища. Здесь похоронена бабушка, и мама, и некоторые другие родственники. Уверенным шагом иду в нужную мне сторону, не обращая внимания на грязь. Надо было бы конечно цветы купить, но о них я не подумала заранее. Подхожу к ограде, за которой расположилось несколько могил. Мамина – крайняя. С гранитного памятника на меня смотрит самое родное лицо. Помню, с какой фотографии сделан портрет. Это я ее сфотографировала. Счастливый тогда был день. Мы все были на отдыхе, катались на лошадях. Папа был с нами, что случалось не часто. Наверное поэтому мама просто искрилась от счастья. И с папой они выглядели счастливой крепкой парой. Это было за год до ее смерти. Интересно, в тот момент у него уже была любовница, или это случилось позже?

Сейчас мне снова больно. За себя, за маму, за нашу разрушенную семью. Что толкнуло отца на измену? Банальная мужская похоть? В таком ключе я никогда об отце не думала. Для меня он всегда был самым лучшим, самым правильным, не способным на предательство. Прошло три года, а я до сих пор не нашла ответы на эти вопросы. Не смогла уложить в голове все случившееся, это снова поднимается волной в душе. Не замечаю, что дождь усилился, не вижу вокруг ничего, я глубоко ушла в себя, в свои переживания. Поэтому я даже не сразу замечаю, что на мои плечи ложится теплая куртка, и сильные руки тянут меня на выход. Не хочу уходить. Хочу еще немного побыть здесь, рядом с мамой. Мне ее так не хватает, и эти объятия... Я вдруг понимаю, что с тех пор, как мамы не стало, никто меня так тепло не обнимал. И сейчас объятия дарит не родной человек, а чужой по сути мужчина. Становится еще дерьмовее от понимания, что нет на этой земле ни одного человека, к которому я смогла бы прижаться, открыться, выплакаться и получить искреннее сочувствие.

– Тише, Яся, перестань, – слышу я нежный шепот в самое ухо. Ноги разъезжаются в грязи, и Саша подхватывает меня на руки. – Ты совсем замерзла, убежала! Я тебя еле нашел на этом огромном кладбище!

– Спасибо, что нашел меня, – всхлипываю я, утыкаюсь ему в шею и безбожно рыдаю.

– Все, Синичка, успокаивайся! Сейчас согреем тебя, – меня усаживают в машину, обогрев включают на полную мощность, а в руки вручают горячий кофе.

– Ты где его взял? – пораженно смотрю на кружку с дымящейся жидкостью.

– Из термоса. Брал с собой, видишь, как пригодился, – Саша тепло улыбается, ему очень идет улыбка, она греет намного лучше печки.

– Спасибо! – вздыхаю я, делаю глоток, это так вкусно... Хотя я не люблю растворимый кофе. Но сейчас... он для меня особенный. И Саша, он смотрит так нежно, гладит большим пальцем щеку, убирает мокрые пряди волос, кажется, он меня сейчас поцелует...

И он целует, только не в губы – в висок. Хотя мне и кажется, что направление движения он поменял в последнюю секунду. И хорошо. Потому что целовалась я в Англии со своим парнем Фредом. И мне не нравилось совершенно. А секс не нравился еще больше. Не знаю, чем так восхищаются все, может я неправильная, но у меня осталось только чувство гадливости и воспоминания о боли от первого раза. Потом боли уже не было, но и удовольствия тоже. Были суетливые движения, омерзительные поцелуи и каждый раз я мечтала только о том, чтобы все это поскорее закончилось. Фред дураком не был, видел, что мне с ним не в кайф, наверное поэтому и нашел себе более горячую подружку. Мы расстались, чему я почти не расстроилась. Повторять сей дерьмовый опыт я больше не планирую. Да и вообще, согласилась я с ним на секс только потому, что хотела понять, может это и правда так здорово, что сносит крышу и ты перестаешь соображать? Думала, тогда смогу понять отца. Неужели ради этого можно предать семью? Стоит ли говорить, что я не только не нашла ответ, но и запуталась еще больше.

А вот сейчас, от нежных поглаживаний по спине, тяжелого мужского дыхания на шее, каких-то простых, теплых слов, внутри зарождается незнакомое ранее чувство. Оно горячее, требовательное, жаркое. Я бы хотела ощутить на губах эти горячие губы. Я поднимаю голову с Сашинной груди, ловлю его взгляд. Он пылает! И я пылаю вместе с ним. Уже не плачу, дыхание мое сбилось совсем по другой причине. Губы приоткрываются, я сама подаюсь вперед, обхватываю сильные плечи. Я хочу эти губы... Тянусь вперед, ловлю встречное движение. Мы встречаемся как раз посередине, жестко, напористо в первую секунду, а потом мужские губы вдруг становятся удивительно мягкими, вкусными, нежными. Боже! Что это? Поцелуй? Это он? Точно он? Тогда что было в Англии у меня с Фредом?

Эти обрывочные мысли стучат где-то на краю сознания, пока меня поглощают, как подтаявшее мороженое. Мне хорошо. Очень хорошо. Это ни капли не похоже на тот омерзительный обмен слюнями, который остался у меня с памяти. Мне так горячо внутри, что хочется прекратить немедленно это безобразие, но еще больше хочется остаться в этом моменте, чтобы не выбираться из теплых надежных объятий моего охранника.

Саша отрывается первым. Дышит тяжело мне в шею. Я не вижу его глаз, и это здорово напрягает. Я хочу понять, зачем он сделал так, что для него значит этот поцелуй. Сейчас туман от накативших чувств отступает, и я начинаю ощущать действительность. И она очень неправильная. Что я делаю? Целуюсь с охранником на заднем сидении машины рядом с кладбищем, где похоронена мама. Да я вообще без мозгов? Только хочу оттолкнуть Сашу, как он отстраняется сам. В глаза мне намеренно не смотрит. Откашливается.

– Нам пора. Прости. Тебе уже лучше?

– Более чем. – отвечаю охрипшим голосом. – Спасибо! Ты прав, нам пора. Здесь уже не далеко. Поехали.

Глава 5. Встреча

Всю оставшуюся дорогу я пылаю, как помидор. Никак не могу определиться, что же я чувствую по поводу того поцелуя. А вот Александр совершенно невозмутим. Уже через двадцать минут мы подъезжаем к знакомым зеленым воротам, а я все еще вибрирую внутри, как высоковольтный провод. Как бы не разреветься при виде тети. Она похожа на маму, хоть и старше ее почти на десять лет. Я не предупреждала, что приеду. Надеюсь, тетя будет рада видеть меня.

Вот она уже заметила нашу машину, выбегает на широкую террасу и несется ко мне по длинной дорожке, усыпанной с двух сторон садовыми цветами, раскрыв широко объятия и радостно улыбаясь. Мы с ней не виделись несколько лет, при последней встрече повздорили из-за отца, поэтому я немного переживаю, как она меня встретит. По ее лицу вижу, что никаких обид тетюшка не помнит, а я тем более. Бросаюсь ей на шею, все же не могу сдержаться слез. И тетя Женя тоже всхлипывает. Скорее зовет нас в дом, потому что дождь усиливается, перерастая в настоящий ливень.

– Заходите, заходите, мои дорогие! Что ж ты, Ясенька, не предупредила? Я бы пирог испекла!

– А мы неожиданно собрались, тетя Жень!

– Ох уж эта молодежь неугомонная! Ты давно прилетела? Не звонила, не писала сто лет уж. Думала, совсем забыла тетку.

– Нет, не забыла, – виновато улыбаюсь я.

– Ладно, чего уж. Присаживайтесь! Я плов как раз приготовила, будем кушать! И лапша у меня есть домашняя! Сейчас подогрею! А это твой молодой человек? Не стой, проходи, знакомиться будем.

– Александр, – деловито протягивает руку мой охранник, и не думая опровергать поспешные теткин выводы. И я стою, как будто язык проглотила. Киваю как болванчик. Не успеваю даже ойкнуть, как уже оказываюсь за обеденным столом на просторной кухне, а передо мной появляется тарелка ароматной домашней лапши с зеленью. Боже! Я так давно не кушала ничего подобного, с тех пор, как мамы не стало. С удовольствием ем лапшу, давясь снова слезами. Злюсь на себя. Сколько можно разводить сырость? Реву и реву. А тетка засыпает вопросами, давно ли я приехала, как отец, как учеба, как Лондон. Спасибо ей, отвлекает от тяжелых мыслей, сама пускается в рассказы о своем сыне, внуках, давно я их не видела, соскучилась, сейчас только поняла.

– Тетя Жень, я у тебя поживу немного, хорошо? С отцом тяжело мне. Ругаемся все время.

– Что, никак не простишь отцу его молодуху? Да плюнула бы и растерла! Показала бы ей, кто в доме хозяин, и пошла бы свою судьбу устраивать! Вон, парень какой рядом красивый! Чем не муж?

– Да какой муж, тетя Жень, – смеюсь я, Александр только загадочно улыбается, поглощая уже вторую тарелку лапши.

– Такой муж! Я тебе расскажу потом. А сейчас кушай, худая совсем стала, Лида бы увидела, расстроилась! – от упоминания мамы снова в душе тоска поднимается.

– Я на кладбище сегодня заходила, – грустно вспоминаю.

– Молодец, это хорошо. Родных людей важно помнить, но думать нужно о живых! Запомни, Яся, о тех, кто рядом.

– Я постараюсь, – вздыхаю грустно, потому что хочу рассказать ей многое, но не уверена, что решусь поделиться своими чувствами. Все таки давно мы не виделись с тетей, барьер теперь не так просто преодолеть. – Но можно я пока немного тут побуду?

- Конечно, побудь. Откормлю тебя немного, жениха вот твоего узнаю получше.
- Саша не жених мне, – говорю наконец.
- Ой, ну это дело поправимое! Стелить-то вам в разных спальнях? – задает тетя провокационный вопрос.
- Саша вообще не планировал оставаться, – говорю тихо.
- Не планировал, но могу передумать, – загадочно улыбается мой охранник.
- Намек понятен! – восклицает тетя. – Постелю в соседних спальнях! Второй этаж у нас все равно пустует.

А дальше тетя снова умело переводит тему, щебечет, как соловей, жалуясь, что рассада помидор в этом году померзла, а вот огурчики, наоборот, хороши как никогда. И что самое странное, Саша слушает все это поразительно внимательно, иногда поддакивает, дает какие-то советы. Я впервые слышу, что детство он провел в деревне у бабушки, поэтому так хорошо осведомлен о всех тонкостях огородной жизни, и вообще он с теткой на одной волне, а я как будто чужая здесь. Снова начинаю грустить. А делать это я люблю в одиночестве. Поэтому прошу тетю показать мою спальню, и сбегая из-за стола.

Когда в комнате мы остаемся вдвоем, тетя Женя присаживается на кровать и зовет меня присесть рядом. Я понимаю, что разговора по душам не избежать.

- Ну рассказывай, птичка, – тепло улыбается тетя.
- Ой, не знаю я, что рассказывать.
- Что, с отцом никак не получается?
- Нет. Не могу я. Думала время пройдет, меня отпустит, ехала с настроением помириться, а он...
- Что он?
- Он женился на этой... Агате, – выплевываю ее имя. – И дом теперь, ты бы видела, тетя Женя. Ничего не осталось от прежнего. Вещи все мамины, фотографии, ничего нет. Все на чердак засунули.
- Ну, что тебе сказать, птичка, Данил живет дальше, нельзя же ему это запретить. И тебе нужно так делать. Ты о себе думай, а не об отцовой жене.
- А как же мама? Сделать вид, как будто и не было ее? – с обидой спрашиваю я.
- Нет, зачем же. В твоей душе ее место никто не займет. И твой отец о ней помнит, поверь мне. Но жизнь продолжается. Ты сама замуж скоро выйдешь.
- Да с чего ты взяла, тетя. Это вообще мой охранник, отец ко мне приставил. Я его всего-то пару дней назад первый раз увидела.
- Хм, а смотрел он на тебя не как охранник. Ты уж тетке-то поверь!
- И что? Замуж мне за охранника выходить?
- А какая разница? Главное, чтобы человек был хороший. А Саша этот первое впечатление правильное произвел. Но ты сама смотри, конечно. Только сейчас я скажу тебе одну вещь, а уж как распорядиться этой информацией – решай сама! Ты деда Сергея своего помнишь?
- Да, помню, конечно.
- Он любил тебя очень. Ты ведь у него единственная внучка. Он при жизни твоего отца часто на место ставил. В ежовых рукавицах держал. Поэтому и бизнес твоему отцу достался крепкий! Но Лида мне рассказывала, что завещание дед хитрое составил. Тебя очень хотел от всех бед обезопасить. Есть большие деньги где-то на счетах, и они неприкосновенны. Они на твою свадьбу приготовлены. Так мне Лида рассказывала. Я, конечно, всех тонкостей не знаю, но ты имей ввиду. Может встретишь хорошего человека, замуж выйдешь, а там и без отца уверенно себя чувствовать будешь. Потому что Данилка – дурак, а бабу себе ушлую нашел. С нее станется вообще тебя без наследства оставить.

Я поражена, конечно, теткинским рассказом и пока не знаю, что делать с этой информацией.

Но сейчас мне хочется совсем другого.

– Я подумаю, тетя, спасибо тебе. Ты для меня единственный родной человек. Прости, что я не звонила и не приезжала так долго.

– Я не обижаюсь. Знаю, ты очень любила мать, и она любила тебя. И понимаю, что тебе нужно было время. Но вижу, ты еще не отпустила прошлое, а это неправильно. У тебя же все дороги открыты, пользуйся!

– Может и открыты, но куда идти я не знаю.

– Подумаешь об этом позже! Сейчас спать ложись. Отдохнешь, отвлечешься, потом думать будешь! А к Сашке присмотришь, хороший парень!

– Спокойной ночи, тетя Женя, – поцелуй в лоб и теплые объятия. Я снова начинаю реветь, а потом забираюсь с ногами на кровать, укладываюсь к тетке на колени головой.

– Ох, моя ж ты Синичка! – приговаривает тетка, поглаживая меня по голове. – Недолбила тебя мать, не успела, ну, ничего, все у тебя будет хорошо. Я верю в это!

И мне так хочется поверить, я впервые за долгое время засыпаю крепко и спокойно, чувствуя, что меня любят и я кому-то нужна.

Утром я просыпаюсь совсем с другим настроением. Ночью я успела выспаться и обдумать все слова тети Жени. Жалею, что не приехала к ней раньше. Быть может, именно этих слов мне не хватало, чтобы сбросить бремя прошлых обид. Конечно, я понимаю, что таких слов я ждала от отца, но раз уж он не способен на раскаяние, я не буду больше портить себе жизнь. Тетя права. У меня еще все впереди. Мама бы точно не обрадовалась, если бы увидела меня такой убитой, как вчера. Поэтому сегодня я собираюсь исправить свое настроение и настрой на будущее.

Выхожу на кухню, а здесь кипит жизнь. Тетя месит тесто на пирожки, а на столе уже стоят горячие блинчики, которые с удовольствием наяривает мой охранник.

– Доброе утро!

– Доброе, Синичка! – отзывается тетя. – Как спалось?

– Отлично! Давно так крепко не спала!

– Погода сегодня прекрасная! Солнышко с самого утра светит. Лето вернулось!

– Это отлично, а то мне все казалось, что из Лондона и не уезжала!

– Да, погода в этом году теплом не балует. Но по прогнозу дальше обещают жару! Жалко вот Сашенька уезжает.

– Дела, тетя Женя! – отвечает Саша, запивая блин чаем. – Есения, я на столе в блокноте написал свой номер телефона, если что-то нужно будет, звони.

– Хорошо, спасибо! – вот тебе и поцелуй. А сегодня опять деловой тон, и дела, значит. Правильно это, конечно. Что я хотела? Но все равно обидно как-то. Решил сделать вид, что и не было ничего личного между нами? Пусть так и будет.

После завтрака Саша прощается с тетей, мне прилетает только короткое:

– Хорошо отдохнуть, красавица! – на меня он почти не смотрит. Садится в машину и уезжает. Сразу становится как-то одиноко и тоскливо. Но я стряхиваю эти чувства! Грустить из-за охранника, еще не хватало!

– Пойдем, Синичка, поможешь мне пирожки лепить. Или забыла уже, как это делается?

– Не забыла. Пойдем, тетя, пирожки лепить!

Эх, давно я так не отдыхала душой. Пирожки у нас получилось отменные.

– Саше звонила? – спросила вечером тетя.

– Нет, зачем.

– А я бы позвонила. Но тебе виднее. Кстати, скоро Димка зайдет. Помнишь его?

– Димка? Это который сын соседки твоей?

– Ага! Мелкими вы еще в песочнице вместе сидели. В прятки играли, шухеру тут всегда наводили! А еще завтра должна Полина приехать. Сонечку привезет. Полина на какой-то там семинар едет в Сочи, жопой крутить. А ребенка им опять деть некуда! Вот нашел себе сын вертихвостку! Бестолковые они, мужики. Сначала ведутся на фигуру, а потом страдают, что кроме фигуры, внутри ничего нет хорошего!

– Что, тетя, не любишь ты невестку?

– А чего мне ее любить? Внучку мне подарила и на том спасибо! А дальше, пусть сами разбираются! А нам с тобой весело будет! Сонька скучать никому не даст!

– А я рада! Очень хочу познакомиться с племянницей! Жалко только подарка у меня нет. Денег я у отца брать не стала.

– Яся, для ребенка лучший подарок – внимание и любовь. Так что не переживай!

В прихожей шорох, дверь открывается, показывается букет цветов. Первая глупая мысль – это Саша вернулся. Но конечно это не он. Димка проходит на кухню, вручает мне букет.

– Привет, Яся. Помнишь меня?

– Конечно помню, – улыбаюсь я. – Правда помню я такого большого кругленького очкарика. Смотрю, ты несколько изменился.

– Ты тоже уже не та худорба со сбитыми коленками.

– Так, молодежь, пойдете за стол, чай пить, там друг друга и рассмотрите.

Димка прикольный. Юморит, постоянно вспоминает какие-то веселые истории из детства, из своей институтской жизни. Я даже откровенно начинаю жалеть, что уехала в Англию, где все чужое, и такого веселья точно не было. Чай выпит, пирожки и закуски уже просто не лезут.

– Есения, пойдём, прогуляемся. А то я чувствую, с пирожками тетя Женеными я опять превращаюсь в хомяка!

– Пойдем, я тоже есть уже не могу.

Выходим, на улице прекрасная летняя ночь. В воздухе пахнет чем-то цветочным, луна, звезды. Красота. Бредем потихонечку по улице. Около соседнего двора Димка замечает лавочку.

– Присядем?

– Давай! – легко с Димкой. Никакого напряжения не чувствую. Да и вообще у меня ощущение, что снова вернулась в детство. Забыла я уже эти нестройные улочки частного сектора, простоту общения, и маленькие радости дружеских посиделок.

– Какие у тебя планы на будущее? – задает Димка вполне невинный вопрос. Но он сразу вгоняет меня в ступор.

– Туманные планы, – вздыхаю я. – Может, дальше учиться пойду, а может работать, еще не решила.

– Ну, у меня еще год учебы впереди. Так что в городе можем пересечься.

– Да, может быть.

– У нас веселая компания, тебе понравится.

– Я не любитель веселых компаний.

– А парень у тебя есть?

– Нет. А тебе зачем это знать?

– Как? Я парень холостой, а ты стала такой... уххх. Я прям млею, – и не успеваю я ойкнуть, как Димка резко наклоняется ко мне, и накрывает губы поцелуем. Это неожиданно... Это ... мерзко, блин. Фу. Отталкиваю его.

– Прости, – шепчет Димка. – Я поторопиться, да? Не надо было, – я сижу немного в шоке, способность говорить ко мне пока не вернулась, зато Димка продолжает частить. – Ты не переживай, я все понял. Давай сделаем вид, что последних пяти минут не было, хорошо?

– Хорошо, – киваю я. Поспешно встаю с лавочки, легкости как небывало. Иду в сторону дома тети, у ворот с удивлением замечаю машину моего охранника. Странно, зачем он вернулся и когда, я не видела. Сам Александр стоит, оперевшись на капот.

– Времени даром не теряешь? – лицо хмурое, злое.

– Ты о чем?

– Да так, ни о чем. Я твои вещи привез, Данил Сергеевич распорядился. Ну и меня он снова в рабство тебе отдал. Так что, я снова остаюсь.

– Мне раб не нужен.

– Отлично. Но назад я ехать не хочу, тетке твоей помогу, мы с ней уже договорились. Так что чемодан в твоей комнате, я отнес. Я пойду чайку попью, а ты можешь не морозиться, дальше идти ... гулять, – последнее слово он выплевывает таким презрительным тоном, как будто мы на лавочке с Димкой не поцеловались, а сексом занялись. Бесит меня. Мгновенно все дыбом внутри поднимает.

– Ну, раз уж папа отдал тебя МНЕ в рабство, то это я решать буду, что тебе делать и когда!

– То есть раба все же решила в дар принять? – усмешается этот гад.

– Зачем же от таких щедрых подарков отказываться?

– Та-а-ак, вернулось ваше борзое высочество?

– Да, Шурик! – намеренно злю его.

– Еще раз назовешь меня так, пожалеешь, – рычит он, а меня несет дальше.

– Молчать ты так и не научился. Бракованный раб.

– Ты гулять собиралась?

– Я уже погуляла. Дмитрий, познакомься, это Александр, мой охранник, а это Дима – мой друг, – Димка мнетя, лицо у него смущенное, даже я бы сказала пораженное. Ну да, я теперь в его глазах рабовладелица.

– Привет, друг! – агрессивно подаваясь вперед, здоровается Александр. Димка, кажется, сжимается еще больше и становится ниже. – Еще раз полезешь к принцессе целоваться без моего разрешения, шею сверну, понял?

– А ты не охренел ли? Еще я у тебя не спрашивала, с кем мне целоваться! – завожусь я.

– Будешь! – рявкает он. Меня накрывает таким возмущением, я даже не сразу нахожусь с ответом. А потом в меня снова вселяется тот самый чертенок, который вечно толкает на безумные поступки, потому что по другому я не могу объяснить, зачем я резко разворачиваюсь, обнимаю за плечи шокированного Димку и приникаю к нему неумелым поцелуем. Парень не отвечает, что меня конкретно бесит. Поэтому я добавляю напора и страсти. Не знаю, откуда она берется. Там, на лавочке, ничего такого и близко не было, а сейчас... Ух! Правда, все ощущения идут не от влажного контакта с Димкиными губами, а от мурашек, которые носятся по спине от гневного взгляда моего охранника.

– Хм, – прилетает мне в спину, – целуешься ты так же бездарно, как готовишь, а я бесплатно уроки больше не раздаю!

Когда я разворачиваюсь, то вижу удаляющуюся фигуру моего “раба”, а я остаюсь одна с последствиями своей глупости. Смотреть Димке в глаза ужасно стыдно, но деваться мне некуда.

Глава 6. Американские горки.

Итак, я снова раб! Прекрасно! Вижу, ожила девочка, заточила коготки, можно смело полосовать ближних.

Конечно, глупо не признать, что между нами стандартных отношений работник-работодатель не сложилось изначально. Я борзею? Однозначно. Девочка тоже не промах, это факт.

Ну вот как-то так неправильно, но очень горячо происходит каждое наше взаимодействие.

Я реагирую на Есению, как оголенный провод. Для меня она стала намного больше, чем безликий объект охраны. Пробралась, зараза такая, куда-то очень глубоко, а теперь опять заднюю включает? Хрен ей. Сама она решает кого целовать? Ну-ну.

В машине конечно мне башку знатно оторвало, как остановился на поцелуе, сам не знаю. Девочка отвечала так сладко и горячо, что закончиться все могло совсем не так невинно. И вернулся я сегодня не просто так. Пришлось набраться наглости, пойти самолично к ее отцу и объяснить, что нельзя так с девочкой. Нет, жизни я его не учил, отчитался о том, куда отвез его дочь и намекнул, что вещей она не взяла, но я могу доставить их ей от его имени. И еще объяснил, что готов охранять его дочь и у тетки, так как неизвестно, что Есению в голову ударит, и не начнет ли она делать глупости. Короче, я практически добровольно попросился в рабство к девчонке и летел сюда на всех парах.

Конечно, я не надеялся на слишком теплый прием, но совершенно не ожидал, что эта вертихвостка уже успеет найти себе какого-то ботана. Откуда она его выдрала вообще? И на темную лавочку пошла, как будто не понимала, зачем пацаны на такие лавочки девчонок водят.

Поцелуй их, конечно, сложно даже назвать поцелуем, и обделался пацан, как только меня заметил, но эта маленькая паршивка в край охренела! Детские выходки, но я бы за них ремня выписал ей вполне по-взрослому.

Черт. Ремень и ее задница в моих фантазиях мелькает слишком часто. Не то, чтобы я увлекался чем-то подобным, но когда дело касается Есению, я зажигаюсь, как спичка!

Надо успокоиться, иначе подожжем весь дом, а мне еще нужно очаровать ее тетку, чтобы обосновать свое присутствие.

Кстати, неплохо было бы его обосновать еще и лично для себя... Но тут я потерпел неудачу еще тогда, когда пошел с разговором к ее отцу. Себе признаться труднее всего, но врать я тоже не привык. Цепанула меня девчонка – это уже признанный факт, дальше что? Логичнее всего было – бежать от нее подальше, ведь будущего у нас нет. Для необременительной интрижки девчонка не подходит, а связывать себя серьезными отношениями я не готов. Да и как бы не на своем я месте. Две недели пролетят, вернется настоящий Александр, придется колотиться. Но и остановить все сейчас я не могу. Хочу ее, как дозу. Просто видеть, слышать, вдыхать. Даже наши стычки заводят во мне такой фонтан энергии, которого я давно не чувствовал. Это адреналин, драйв, и отказываться от этих американских горок я не готов.

Ну что, принцесса, покатаемся? Пристегивайся крепче, потому что я собираюсь нас прокатить на огромной скорости. Куда приведет эта опасная дорожка, я не знаю, но будет весело – это точно.

Переодевшись в отведенной мне комнате, спускаюсь вниз. На лестнице встречаюсь с Есенией. Смотрит она на меня гневно, прям дикая кошечка, того и гляди зашипит. Как же пропустить такую, не наступив на пушистый хвостик? А никак.

– Проводила ботаника?

– Не твое дело!

Делает шаг в сторону, чтобы меня обойти, конечно же я тоже сдвигаюсь, не давая ей пройти.

– Что за новый прикол? – хмурит она свои бровки.

– Что ты, никаких приколов.

– Дай пройти!

– Не могу.

– Как-то резко ты занемог!

– Ты меня уже несколько раз убила взглядом! Я вообще еле стою, – закатываю я глаза.

– Значит падай, я тебя перешагну, – усмехается моя стервочка.

– Не-ет, если я буду падать, тебя прихвачу вместе с собой! – ловлю ее за талию, и пока девочка-колючка не выпустила очередную порцию яда, прикусываю ее нижнюю губу. Она ахает, но дыхание ее ускоряется, и вырваться она не торопится, а я тут же сменяю грубость нежностью, проходясь по губке языком. Интересно, твой ботаник так может?

– Ядовитая ты зараза, но манящая! Не зли меня всякими пацанами, жалко мне их, – рычу ей в ухо.

– А мне – тебя. Что тебе от меня надо?

– Ты хочешь об этом поговорить? Здесь?

– Нет, я от тебя вообще ничего не хочу, пропусти, – толкает изо всех сил, протискивается мимо и скрывается в своей комнате. Уххх, зарядила! Как электрошокер! А я натуральный мазохист. Потому что кайфую от таких разрядов, а еще от ее эмоций. Мне от них вкусно, азартно, волнительно.

Ощущаю себя желторотым юнцом, как тот самый Димка. В двадцать у меня тоже вставал на любую девицу, у которой есть грудь. Но сейчас другое. У меня не просто пожар в штанах, у меня вся душевная чешуя поднимается рядом с Ясей. Все ее эмоции резонируют где-то внутри в разы сильнее, сейчас гнев и злость, вчера на кладбище мне самому сдохнуть хотелось, лишь бы она не плакала, не страдала, воспряла духом.

Так что, Яся, мы обязательно поговорим об этом, но только тогда, когда ты будешь готова. Еще желательно мне самому разобраться, что со всем этим делать.

На кухне хлопчет тетя Женя. Хорошая женщина. Добрая. Немного полноватая, но такая обаятельная, ее улыбка перекрывает все остальные недостатки внешности. Этим они с Ясей похожи, только Есения улыбается редко, а я хочу исправить эту вселенскую несправедливость.

– Садись, Саш, чай будешь? Пирожки еще остались, мы с Ясей делали.

– Ну если только с Ясей, – улыбаюсь я.

– Нравится тебе Есения, да? – хитро интересуется тетя Женя.

– Не буду скрывать, нравится!

– И что вы как в детском саду? За косы друг друга дергаете?

– Вы очень проникательны! Я себя вот прям так и ощущаю, как в детском саду.

– Да, знаю я игрища больших мальчиков, – грозит мне пальцем. – Но имей в виду, с Ясей играть не стоит! И не потому, что она дочь хозяина, а потому, что не заслужила!

– Не заслужила что? Вранье? Я с ней честен.

– Это ты так думаешь. Но Яся девочка молодая, неопытная, но горячая. Живет чувствами, контроль всегда хромал у нее. Она твою несерьезную правду может слишком глубоко принять.

– А почему вы решили, что моя правда несерьезная?

– Потому что вы друг друга всего-то пару дней знаете.

– Тут не могу не согласиться. Я свою симпатию к Ясе еще однозначно внутри не классифицировал. Но торопиться я не собираюсь, подталкивать ее ни к чему не стану. Пусть все идет своим чередом.

– Хорошее решение. Не разочаруй меня, Саша!

– Я постараюсь!

– А сейчас пей чай.

– Пью, тетя Жень, пью. А пирожки-то какие. М-м-м, – блаженно прикрываю глаза. – Неужели Яся сама делала?

– Золото девка! Я ж тебе говорю. И Лондон ее не испортил!

– Да, сейчас верю, что не испортил, а поначалу думал – пропащий вариант.

– Пропащий вариант будешь ты сам, если девочку обидишь.

– Не, такую обижать нельзя. Давай, тетя Жень, выдавай испытания позаковыристей. Буду впечатление на девочку производить.

– Ишь ты какой хитрый! Забор мне завтра поправишь и траву в огороде выкосишь. А там видно будет!

– Наряд ясен, командир. Разрешите отбой?

– Иди, солдат! Подъем тебе рано устрою!

Ранний подъем- это хорошо, еще бы заснуть, зная, что за стенкой сладко спит предмет твоих сексуальных фантазий.

Злилась я всю ночь. На себя больше. Зачем вернулся этот бесячий тип? Ответ очевиден – чтобы бесить меня еще больше.

И что получается? Он ведь не всегда такой мудака. Я ведь помню того Сашу, который меня с кладбища на руках нес, и тогда я себя чувствовала защищенной, ценной, нужной. Почему же сейчас он решил превратиться в раздражающего, кусающего, цепляющего меня засранца?

Однако самый убивающий и неоспоримый факт – наши отношения не получаются ровными. Нас лихорадит, коротит и подбрасывает. Чувствую, в любую секунду может забросить так, что дороги назад не найдем.

Утром спускаюсь вниз, иду, как по минному полю. В кухне тихо. Никого нет. На столе меня дожидается завтрак. Яичница и салат. Хм. Я привыкла к овсянке, но не буду привередничать.

Наливаю кофе и устраиваюсь в кресле у окна. И тут же замираю. Черт! Понятно, почему в доме так тихо. Вся жизнь кипит на улице. Там Саша без футболки возится с забором. Очуметь. Заставляю себя закрыть рот и подобрать слюни.

Интересно, он это специально делает? Не удивлюсь, если так и есть. Устроил тут стриптиз под окном. И ценители кроме меня уже есть. Вижу, как на заборе висит дочка соседки. Окно закрыто, разговора мне не слышно, но прекрасно видно, что беседа у них веселая, Саша смеется, при этом не прекращая орудовать ручной пилой, разделявая толстую доску.

Зависаю. Не могу отвести взгляд от его крепких мышц, рельефной спины, и низко сидящих шорт.

Его тело не похоже на то, что получается в результате продуманных тренировок в спортзале, приема всяких сомнительных препаратов и прочего. Хотя, что я знаю о мужском теле? Немного. Но помню Фреда. Вот он-то как раз и убивался тренировками в спортзале, протеиновыми коктейлями, белковой диетой. Тело у него было красивое, но вот представить, что он смог бы вот так же орудовать лопатой и ломом, мне не удастся. Его тело было для красоты, а

не для работы. Это меня часто бесило. Он на своей внешности был помешан намного сильнее, чем большинство девушек. Испортить маникюр всегда боялся больше меня.

А вот Саша сейчас, совершенно не парясь, роется в земле, выкапывая яму под новую опору, замешивает раствор, таскает тяжелые бревна. И смотрится при этом очень органично. Его тело, покрытое капельками пота, вызывает во мне новое странное чувство. Жар, который зарождается в груди и перекачивается вниз живота. Я непроизвольно сжимаю колени сильнее, но фантазии несут меня вперед. Если бы могла, я бы сейчас вышла, обняла Сашу со спины, прижавшись к нему, провела руками по груди, зарылась пальцами в жесткие волоски на груди, вдохнула его запах и даже лизнула бы гладкую кожу. Почему-то я уверена, что знаю, какой бы вкус ощутила. Мне кажется, он уже сейчас разливается на языке терпкой патокой. Я отпиваю из своей чашки. М-м-м, прекрасно я позавтракала. Практически съела моего охранника и запила кофе. Чудный завтрак. Он пробудил адреналин в крови, снова толкая на глупости. Но я кое-кому должна за вчерашние выходки. Не все же ему меня бесить. Я тоже имею такой талант.

Итак, прежде всего нужно не прогадать с нарядом. Поднимаюсь наверх, открываю чемодан, вещи аккуратно уложены. Явно не отец это делал, скорее всего кто-то из прислуги. Ненавижу, когда чужие трогают мои вещи. Но выбирать не приходится. Я вообще удивлена, что папа вспомнил обо мне. Но его добрый жест я приняла, дальше видно будет.

Выбираю короткие джинсовые шорты и футболку. Простенько, но достаточно откровенно. Выхожу на порог, потягиваюсь на солнце.

– О, еще даже обед не наступил, а принцесса уже проснулась? – прилетает мне тут же насмешливое замечание.

– Принцесса желает удостовериться, что рабы качественно выполняют свою работу.

– М-м-м. И как собираешься проверить качество? Может, попробуешь раствор на зуб? Или бревно покажешь, как пилить?

– Зачем же? Я подожду, когда будет готов конечный результат, потом, если что, заставлю переделать!

– А, ну-ну. Попробуй. А сейчас можешь идти досыпать. Не стоит мешаться под ногами.

– Нет, нет. Я выпалась. Сейчас вот хочу малинки покушать. Тетя вчера хвасталась, что она особенно сладкая в этом году уродилась, – иду в сторону малиновых кустов, которые как раз рядом с ремонтируемым участком забора. Радует, что соседка свалила. Проходя мимо Саши, ловлю заинтересованный взгляд на мою задницу. Нравятся тебе мои шортики? Ну-ну. То ли еще будет.

Занимаю удобную позицию, срываю несколько сочных ягод, отправляю в рот. На языке взрывается достаточно кислый вкус, но я делаю вид, что мне безумно нравится, блаженно закатываю глаза, отправляю в рот еще несколько ягод. Вижу, кое-кто меня поедает глазами не хуже, чем я малину. Вхожу в раж, подставляю ближе старый пенек, залезаю на него, чтобы быть выше, наклоняюсь, тянусь за самыми спелыми ягодами, боковым же зрением вижу, что Саша мешает раствор, но глаза его точно не видят результат работы его рук, потому что горящие взоры все посвящены моим ножкам. Это заводит. Принимаю еще более откровенную позу, тянусь за ягодой, как вдруг теряю равновесие из-за резко пошатнувшегося пенька. Успеваю завизжать, но это никак не спасает меня от падения в самый центр жутко колючих кустов малины.

Черт, черт, черт! Как так? Больно, блин! И обидно! Вслед мне доносится еще и противный смех. Гад! Гадский гад!

– Помочь? – раздается сзади.

– Нет! – рявкаю я. А встать-то не могу. Нога болит, и все остальное тоже. При малейшем движении боль усиливается из-за проклятых колючек. Копшусь в кустах, как навозный жук. С трудом удаётся встать на четвереньки, и уже совершенно некрасиво и ни капли не сексуально

я выбираюсь из кустов, плюхаюсь на задницу прямо на сырую землю, страдальчески хмурюсь, потому что ушибленная нога взрывается болью. Я вся в царапинах и грязи. Хочется снова плакать, но я держусь из последних сил. Радует хотя бы то, что смех бесящего меня мужчины обрывается. В следующую секунду он уже нависает надо мной.

– Ну что, довыпендривалась?

– Иди ты!

– Хороша малинка, да?

– Отменная!

– Пойдем, горе мое луковое!

И снова меня поднимают на руки, и я почти счастлива, не обращая внимания на царапины и ноющую ногу.

Саша заносит меня в гостиную, усаживает на диван.

– Тетя Женя уехала на рынок. Давай, колись, где аптечка?

– Не знаю. Посмотри на кухне в шкафу, – уходит, хлопает дверцами, ругается себе под нос, возвращается с перекисью и ватой.

– Ну давай, подставляй царапины, буду лечить последствия малинового несчастья!

– Я сама, дай сюда!

– Цыц! Теперь сиди и молчи! – начинает заливать царапины перекисью.

– Ай!

– Терпи! – орудует ватой, обильно заливая все поврежденные места перекисью. – Колени готовы, поворачивай задницу! – командует он.

– А причем здесь моя задница? Ее я точно не поцарапала!

– Я проверю. А заодно пропишу тебе лекарство от таких ситуаций в будущем.

Снова айкаю, потому что сильные руки, резко крутанув, укладывают меня на колени к мужчине кверху попой.

– Что ты делаешь? – визжу я.

– Исполняю желание, которое не дает мне покоя с момента, как увидел тебя в аэропорту! – звонкий шлепок по ягодице, потом еще один, и еще. Я вырываюсь изо всех сил, но ничего не получается. Мне не больно, но ужасно обидно, неудобно. Задница горит и мне очень хочется кое-кого убить. Я снова начинаю визжать.

– Тихо! – прикрикивает мой мучитель. – Это чтобы запомнила, нельзя этим местом перед голодными дядями крутить. Нельзя!

Мое положение снова резко меняется. Я оказываюсь сидящий на коленях Саши лицом к нему. Не успеваю опомниться, что-то возразить, мои мысли вообще превращаются в кашу. Потому что сейчас он очень близко. Его голые плечи под моими пальцами, я чувствую его запах, как мечтала утром, чувствую тело, а еще чувствую, как он возбужден. И меня обдаёт жаром еще сильнее. А Саша наклоняется ближе, мое колотящееся сердце кажется просто выскочит сейчас из груди.

– А это мечта моя сегодняшняя. Когда ты начала поедать эту чертову малину, – рычит он и набрасывается на мои губы. Слышу его утробный стон, и это срывает последние предохранители. Моя обида, гнев и неудовлетворенное желание вырываются наружу. Я отвечаю на его поцелуй не менее страстно. Руки мои тоже исполняют утренние мечты, гладят сильное тело, пробуют, жадничают.

Поцелуй затягивается, неся в неизвестном направлении, как вдруг нас прерывают самым наглым образом громким криком:

– Мама, мама, а зачем тетя с дядей едят друг друга?

Я вмиг слетаю с колен Саши, разворачиваюсь и натываюсь взглядом на милую белокурую девочку лет пяти, и стройную стервозного вида брюнетку.

– Так, так. Очень интересно, – разглядывает нас она. – Меня зовут Полина, а вы кто?

Мне требуется несколько долгих секунд, чтобы совладать с собой, кажется, щеки мои сейчас загорятся реальным пламенем.

– Я Есения, племянница тети Жени. Помнишь меня? Мы с родителями были на вашей с Валерой свадьбе, – бормочу я.

– Нет, не помню, – качает головой Полина. – А где сама Евгения Павловна?

– Уехала на рынок, – с трудом вспоминаю я причину отсутствия тети. – Скоро должна вернуться. Она вас к вечеру ждала.

– Да, мы решили приехать пораньше. Вечером у меня уже самолет. Я очень спешу. Мне надо сразу ехать. Присмотрите за Варей, пока моя свекровь не вернется?

– Да, конечно, – пораженно отвечаю я.

– Отлично! Вот сумка с ее вещами, все основное здесь есть. А мне пора ехать. Евгении Павловне привет.

Полина выплывает из комнаты, скупко попрощавшись с дочкой. И тут же нам прилетает уже звучавший ранее вопрос:

– Дядя, так зачем ты кушал тетю?

Мы с Сашей пораженно переглядываемся, и я понимаю, что скучно нам точно не будет!

Глава 7. Атомная боеголовка.

Ух, задала нам жару девчонка! Пока тетя Женя не вернулась из города, мы уже оба готовы были сбежать. Первый вопрос маленького Варвара оказался не самым шокирующим. Нужно было вообще молчать. Когда Яся попыталась выкрутиться, сказав, что тетя и дядя просто играли, вопросы посыпались еще более интересные:

«А что за игра?»

«А как называется?»

«А можно я тоже с вами поиграю?»

И самый шокирующий: «А можно я тебя тоже съем?»

Он ввел в полный ступор, из которого я бы не вышел, если бы не понял, что девочка не шутит и уже пытается забраться ко мне на колени. Спасла нас в буквальном смысле тетя Женя. Кажется, я ни разу не был так рад ее видеть!

Варвар перешел под ответственность бабушки, я сбежал доделывать забор. Мне было жизненно важно оказаться подальше от самого непреодолимого соблазна. Если бы не нагрянувшие гости, боюсь, я бы съел не только губы Есении. Сейчас она бы уже оказалась в моей спальне без одежды и без возможности капитулировать.

И что теперь делать? Как дожить до следующего такого шанса, который я постараюсь не упустить?

А может все же стоит бежать подальше? Не нравятся мне чувства, которые вспыхивают внутри при виде девчонки. Когда она упала в эти проклятые кусты малины, у меня реально все вниз рухнуло. Если бы на ее месте была другая, точно бы ничего внутри не дрогнуло. Я столько ужасов на войне насмотрелся. При мне людям ноги отрывало, и то так не пробирало. Есения же задевает такие струны внутри, о наличии которых я и не знал. Хочу ее до одури, отлюбить и не отпускать. Причем хочется от нее не только секса. Кайф просто стоять рядом, дышать ее запахом, ловить каждое слово...

Поганые симптомы.

Я что, влюбился? Да ну нафиг! Не могла меня такая хворь постичь. Это что-то другое. Надо уже в постель ее загашить. Глядишь, сразу отпустит. Так бывает. Причем надо сделать это как можно быстрее, чтобы хворь прошла. Но лекарства нет в свободном доступе, и "рецепт" на его получение выписать негде. Эххх, придется терпеть.

Физический труд прекрасно ставит на место мозги и позволяет совладать с гормонами. До вечера почти заканчиваю с забором. Здорово отвлекает соседская Леночка. Аппетитная штучка, но сейчас не заводит. Отравила меня Есения, похоже. Но когда замечаю ее в окне, решаю позлить колючку. Поэтому Лене подыгрываю, подмигиваю, ведушь на ее взгляды.

За обедом Есению я не видел, а вот на ужин собрались все обитатели дома. Варя капризничала, отказывалась есть. Есения же сидела тихая, в беседы вступала неохотно. А мне очень хотелось вытащить ее на эмоции снова. Но девочка не велась, на меня не смотрела, после ужина быстро сбежала в свою комнату.

Я тоже решил отдохнуть. Устал я жутко, и тело просило сна как можно скорее, но осознание, что в соседней комнате на такой же кровати спит девочка-соблазн, никак не позволяло отключиться. В итоге я решился на отчаянный шаг. Надел спортивные штаны, выглянул в коридор. Но тут же отпрянул, потому что соседняя дверь приоткрылась, я услышал голос Есении.

– Иду я уже, иду! Так и быть. Недолго только!

Торопливые шаги по лестнице, а меня подрывает от эмоций. Куда это ее понесло? Никак не унимается, засранка! И сегодняшний урок мой она явно не усвоила. Мало я ей по заднице врезал.

Потихоньку иду следом. Есения выходит из дома, бежит к калитке. А там наш доблестный Дима!

Ну как так? И чем тебе приглянулся этот ушлепок?

Крадусь следом. За двором слышу смех. Да там целая компания! Какая прелесть. Как удачно, что забор я еще не до конца доделал и точно знаю, где отодвигается пара досок. Через эту щель прекрасно видна лавочка на противоположной стороне улицы, где устроилась веселая компания. Там уже знакомый мне Димка, еще один парень и две девчонки помимо Есении. Ну, хотя бы это не свидание. Уже можно пережить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.